КНЯЗЬ
В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.

Н. Ѳ. Сумцова.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., № 25-й.
1884.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4-го Ноября 1883 года.

Предисловіе.

Князь Владиміръ Өедоровичъ Одоевскій—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ личностей въ знаменитой плеядѣ дѣятелей сороковыхъ годовъ. Его проницательный умъ обнималъ почти всѣ главныя стороны духовнаго развитія современнаго ему общества. Выдающейся чертой его богатой духовной природы была глубокая и дѣятельная любовь къ людямъ. Одоевскій любилъ „отцовъ“ и „дѣтей“, богатыхъ и бѣдныхъ, высоко-образованныхъ и тѣхъ, кого судьба лишила грамотности, и всѣмъ посильно служилъ, словомъ или дѣломъ, всѣмъ сумѣлъ предложить подходящую умственную пищу. Онъ издавалъ философско-литературныя статьи, удовлетворявшія духовнымъ запросамъ выдающихся умовъ его эпохи, посредствомъ литературныхъ вечеровъ сближалъ дѣятелей науки и искусства на почвѣ просвѣщенія, писалъ статьи для народа и для дѣтей, устраивалъ благотворительныя учрежденія для столичнаго пролетаріата. Вездѣ онъ являлся звеномъ соединенія умственныхъ работниковъ и энергическимъ двигателемъ общественнаго и народнаго просвѣщенія.

Цѣль наша—возстановить по печатнымъ источникамъ въ духовномъ сознанiи современнаго образованнаго общества свѣтлый образъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, вывести его имя изъ страннаго и непонятнаго забвенiя, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Н. С.

Примѣчанiе: Въ настоящее время я разыскиваю неизданныя статьи и письма кн. В. Ѳ. Одоевскаго и собираю воспоминанiя о немъ. Буду весьма благодаренъ лицамъ, которыя помогутъ мнѣ добрымъ совѣтомъ или полезнымъ указанiемъ, гдѣ и у кого я могу узнать подробности о жизни кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Все, что соберу, издамъ съ объясненiями отдѣльной книгой. Адресъ: Никол. Ѳедор. Сумцову, въ г. Харьковъ, на Малогончаровскую ул., собствен. домъ.

Князья Одоевскіе вели свой родъ отъ Рюрика. По прямой линіи они происходили отъ славнаго страдальца за русскую землю, князя Михаила Всеволодовича, замученнаго Батыемъ 20 сентяб. 1246 г. Съ раздѣленіемъ Руси на московскую и литовскую, и князья Одоевскіе раздѣлились на двѣ вѣтви, московскую и литовскую, нерѣдко враждовавшія между собою. Князья Одоевскіе были ревностными слугами московскихъ государей и пользовались ихъ милостями. Въ смутное время Одоевскіе были воеводами въ Новгородѣ и Вологдѣ. Ив. Никитичъ Одоевскій-Меньшой разбилъ и взялъ въ плѣнъ Заруцкаго. Воспоминаніе о немъ сохранилось до настоящаго времени въ народныхъ разбойничьихъ пѣсняхъ, гдѣ онъ называется Никитою Ѳедоровичемъ [1]). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича кн. Никита Ив. Одоевскій пользовался большимъ расположеніемъ царя. Талантливый родъ Одоевскихъ съумѣлъ удержаться на надлежащей высотѣ и послѣ петровскихъ реформъ. При Елизаветѣ Петровнѣ большой извѣстностью пользовался кн. Ив. Вас. Одоевскій, дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ и президентъ вотчинной коллегіи. Сынъ его Ѳедоръ Ив. Одоевскій скончался въ чинѣ статскаго совѣтника. Послѣдняя отрасль знаменитаго рода, кн. В. Ѳ. Одоевскій былъ внукъ елизаветинскаго вельможи. Современникомъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго былъ извѣстный поэтъ декабристъ А. И. Одоевскій (1804—1839), однофамилецъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго [2]).

Князь В. Ѳ. Одоевскій родился въ 1803 г.[3]) Въ развитіи Одоевскаго важную роль играло его пребываніе въ московскомъ уни-

---

[1]) Аристовъ, „Объ историч. знач. рус. разб. пѣс.“ въ „Филол. Зап.“ 1874. IV. 29—31.

[2]) Подробности о родѣ кн. Одоевскихъ см. въ „Исторіи“ Соловьева IV 161; V 109, 110, 124, 345; VI 84; 241; VIII 154; IX 19, 29, 104; X 135, 154, 361; XI 50, 109, 110, 166, 169, 200. 322, 362; XII 208, 243, 345, 350.

[3]) „Правительств. Вѣстникъ“ 1869. № 50 (формулярный списокъ кн. Одоев.).

*

верситетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Здѣсь заложены основанія его умственной и нравственной дѣятельности. Душею пансіона былъ Ант. Ант. Прокоповичъ-Антонскій, человѣкъ мягкій, гуманный, наклонный къ мистицизму, по своему времени отличный педагогъ. Въ теченіи 33 лѣтъ (1791—1824) онъ былъ директоромъ пансіона. Какими педагогическими принципами руководствовался Прокоповичъ-Антонскій видно изъ его книги „О воспитаніи". Антонскій придавалъ воспитанію огромное значеніе. По его словамъ, воспитаніе опредѣляетъ характеръ и нравственный складъ человѣка. Судьба народа зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей. Согласно господствовавшимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ обществѣ педагогическимъ взглядамъ, вся суть воспитанія поставлялась въ доброй нравственности, въ „образованіи сердца". И Прокоповичъ-Антонскій находилъ, что утонченіе ума безъ образованія сердца злѣйшая язва. На первый планъ онъ выдвигалъ религіозно-нравственное воспитаніе и утверждалъ, „что дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ днями торжества религіи" [1]).

Антонскій стоялъ въ самыхъ близкихъ, сердечныхъ связяхъ съ учениками пансіона. Его педагогическія идеи переходили къ ученикамъ, горячо ими воспринимались и пропагандировались.

Въ силу господствовавшихъ теченій общественной мысли въ концѣ царствованія Александра I, отчасти подъ вліяніемъ религіозно-мистическаго умонастроенія самаго директора пансіона, въ пансіонѣ, во время пребыванія въ немъ Одоевскаго, господствовало религіозно-мистическое настроеніе, далекое впрочемъ отъ фотіевскаго обскурантизма и ханжества. Въ этомъ настроеніи преобладала сторона мечтательная, филантропическая, та сторона, которая немного ранѣе нашла превосходное выраженіе въ Дружескомъ Ученомъ Обществѣ. Религіозно-мистическое настроеніе Прокоповича на воспитанникахъ пансіона отразилось различно. Въ Инзовѣ, знаменитомъ впослѣдствіи покровителѣ А. Пушкина, это настроеніе укрѣпило честность, благочестіе, доброту, въ Магницкомъ развило лицемѣріе, ханжество. Были случаи, что студенты пансіона бросали заведеніе и поступали въ монастырь[2]). Одоевскій слегка подчинился пансіонской мистикѣ, что сказалось въ

---

[1]) Прокоповичъ-Антонскій, О воспитаніи. М. 1818 г. 5.

[2]) Сушковъ, Моск. Унив. Благ. Панс. М. 1858, стр. 58 и слѣд.

его ученическихъ рѣчахъ. Такъ, въ 1821 г., въ „Разговорѣ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ“, Одоевскій, очевидно, in verba magistri, высказалъ мысль, что „религія должна сопровождать человѣка на всемъ пути его жизни“ [1]). Въ 1822 г. Одоевскій на публичномъ актѣ произнесъ рѣчь о томъ, что всѣ знанія и науки тогда только доставляютъ намъ истинную пользу, когда онѣ соединены съ чистою нравственностью и благочестіемъ“ [2]). Девятнадцатилѣтній ораторъ въ присутствіи своего благочестиваго начальства развивалъ мысль, что „науки должны быть назидательны и религіозны“.

Воспитанники пансіона обнаружили большую наклонность къ занятіямъ философіей, живо интересовались русской литературой и любили музыку.

Кн. Одоевскій слушалъ въ пансіонѣ проф. Павлова. Въ 1821 г. Павловъ возвратился изъ-за границы и началъ читать въ пансіонѣ лекціи о природѣ. На вопросы, что такое природа, какъ можно ее познать, даровитый профессоръ съ пластическою ясностью излагалъ ученіе Шеллинга и Окена. Впечатлѣніе, произведенное лекціями Павлова на учениковъ, было сильно и плодотворно. Лекціи эти развивали въ молодомъ поколѣніи интересъ къ нѣмецкой философіи. Увлеченіе философіей выразилось у Одоевскаго въ „Рѣчи“ 1822 г. Здѣсь Одоевскій такъ превозноситъ могущество философіи: „философія—наука всеобщая, имѣющая вліяніе на всѣ другія. Науки заимствуютъ отъ нея свои силы, какъ планеты отъ источника свѣта—солнца... Философія—мѣрило, которое мы можемъ примѣнять ко всѣмъ нашимъ познаніямъ; оно только можетъ опредѣлить вѣрность или невѣрность нашихъ мнѣній... Философія, столь необходимая въ жизни политической, равно полезна и въ жизни частной, семейственной.... Водворять миръ и спокойствіе между милліонами то же, что водворять ихъ въ семействѣ, потому что ходъ ума вездѣ одинаковъ, различны лишь отношенія“.

„Русскій языкъ былъ главнымъ, любимымъ предметомъ въ пансіонѣ, говоритъ Погодинъ, и русская литература была главной сокровищницей, откуда молодые люди почерпали свои познанія,

---

[1]) Рѣчь, разговоръ и стихи. Москва. 1821. 18—29.
[2]) Рѣчь, разговоръ и стихи. Москва. 1822. 13.

образовывались. И въ этой школѣ образовался слогъ, развился вкусъ у Одоевскаго, равно какъ и у его товарищей, старшихъ и младшихъ"[1]). То обстоятельство, что Общество Любителей россійской словесности имѣло засѣданія въ торжественной залѣ пансіона и что на засѣданія Общества допускались воспитанники старшихъ классовъ пансіона, должно было не мало содѣйствовать развитію въ нихъ литературныхъ наклонностей. Они видѣли и слышали знаменитыхъ писателей—Карамзина, Жуковскаго и др. Всякое чтеніе въ Обществѣ вызывало у студентовъ живые споры и сужденія. Начальство пансіона побуждало студентовъ къ литературной дѣятельности. Оно предлагало имъ темы для публичныхъ рѣчей и затѣмъ печатало эти рѣчи, чѣмъ сильно подогрѣвало литературное самолюбіе юныхъ ораторовъ, вызывало ихъ къ соревнованію въ искусствѣ сочинительства, закрѣпляло у нихъ привычку къ литературной дѣятельности.

Благородный пансіонъ оказалъ на Одоевскаго благотворное вліяніе еще въ томъ отношеніи, что развилъ въ немъ любовь къ музыкѣ. Одоевскій съ благодарностью вспоминалъ о пансіонскомъ учителѣ музыки, Шпревичѣ, который познакомилъ его съ музыкой С. Баха, тогда едва извѣстной въ Москвѣ[2]).

Выходя изъ пансіона, Одоевскій обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами въ честь науки: „Науки полезны, необходимы, спасительны для всякаго гражданскаго общества.... Онѣ столько же безпредѣльны, какъ самая природа; онѣ ея искусственное начертаніе и объясненіе тайныхъ средствъ ея; ихъ предѣлы—предѣлы вселенной; ихъ послѣдняя цѣль при подножіи престола Всевышняго"[3]).

Эта вѣра въ науку, эта любовь къ наукѣ — своего рода аттестатъ духовной зрѣлости — для Одоевскаго, а для благороднаго пансіона—аттестатъ его нравственной чистоты, свидѣтельство его превосходнаго вліянія на учащихся.

Одоевскій окончилъ курсъ пансіонскихъ наукъ въ 1822 съ золотой медалью, съ золотыми мечтами и надеждами, съ вѣрою въ свѣтлое будущее.

---

1) „Голосъ" 1869. № 171.
2) Рус. Архивъ. 1864. 810.
3) „Рѣчь" 1822.

По выходѣ изъ пансіона Одоевскій сблизился съ литературнымъ кружкомъ Раича. Раичъ извѣстенъ, какъ издатель альманаховъ („Сѣверная Лира", „Галатея"), переводчикъ „Георгикъ" Виргилія, „Освобожденнаго Іерусалима" Тасса и „Неистоваго Орланда" Аріоста и какъ воспитатель Ѳ. И. Тютчева. Литературный кружокъ Раича состоялъ изъ Погодина, Ознобишина, Путяты и др. На одномъ изъ литературныхъ собраній у Раича Одоевскій прочелъ свой переводъ первой главы натуральной философіи Окена, гдѣ говорится о значеніи нуля, въ которомъ успокаиваются плюсъ и минусъ [1]).

Въ 1822—1823 г. Одоевскій подъ псевдонимомъ Фалалея Повинухина помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" нѣсколько „Писемъ къ Лужницкому старцу". Здѣсь онъ говоритъ о дурномъ воспитаніи женщинъ, вредномъ вліяніи иностранныхъ гувернеровъ, мотовствѣ дворянъ, притѣсненіи крестьянъ разорившимися помѣщиками, главнымъ образомъ о невѣжествѣ „большаго свѣта". Въ „Письма къ Лужницкому старцу" вошла статья подъ заглавіемъ „Дни досадъ",—картинка московскихъ нравовъ, интересная, какъ коментарій къ „Горю отъ ума" Грибоѣдова [2]). Оба сочиненія написаны приблизительно въ одно время. Аристъ Одоевскаго отчасти напоминаетъ Чацкаго. „Дни досадъ" понравились Грибоѣдову. Онъ черезъ редакцію „Вѣстника Европы" узналъ объ авторѣ, познакомился съ Одоевскимъ и довольно близко съ нимъ сошелся. Сходство въ убѣжденіяхъ и одинаково сильная любовь къ музыкѣ сблизили молодыхъ писателей. Грибоѣдовъ писалъ Одоевскому, что высоко цѣнитъ свойства его ума и дарованія [3]). Одоевскій, въ свою очередь, вполнѣ признавалъ за Грибоѣдовымъ большое литературное дарованіе. Связь между ними не прекращалась до самой смерти Грибоѣдова.

Одновременно съ сближеніемъ съ Грибоѣдовымъ Одоевскій близко сошелся съ другимъ сторонникомъ шишковскаго направленія въ языкѣ и литературѣ, В. Кюхельбекеромъ. Въ 1824 году они общими силами издали альманахъ Мнемозину въ четырехъ книгахъ [4]). Съ легкой руки Карамзина, издавшаго въ концѣ прошла-

[1]) Русск. Архивъ. 1874. II. 258.
[2]) Вѣстникъ Европы. 1823. № 9, 15—18.
[3]) Рус. Архивъ. 1864. 809.
[4]) 4-я книга вышла въ началѣ 1825 г.

го столѣтія два альманаха, „Аглаю“ и „Аониды“, альманахи сильно размножились, особенно въ 20 годахъ. Они восполняли собой слабую журналистику и по цѣнѣ, и по содержанію были болѣе доступны читающей публикѣ, тѣмъ журналы. Лучшимъ альманахомъ въ 20 годахъ была „Полярная звѣзда“ Рылѣева и Бестужева, вышедшая въ 1823—1825 годахъ въ трехъ книгахъ. Насколько популярно было это изданіе, видно изъ того, что „П. звѣзда“ 1825 г. въ теченіи трехъ недѣль разошлась въ количествѣ 1500 экз. [1]) „Мнемозина“ по содержательности мало уступала „П. звѣздѣ“, но распространенность ея была ничтожна. У „Мнемозины“ было всего 157 подписчиковъ, преимущественно изъ лицъ превосходительныхъ и высокопревосходительныхъ. Погодинъ и Бѣлинскій, однако, свидѣтельствуютъ, что молодежь полюбила это изданіе. Да и нельзя было его не полюбить. Тутъ писалъ А. Пушкинъ („Демонъ“, „Къ морю“), Баратынскій („Леда“, не вошедшая въ полныя собранія стих. Б., по слишкомъ большой чувственности), кн. Вяземскій („Вечеръ“, „Май“), кн. А. Шаховской (отрывки комедіи „Аристофанъ“), Павловъ (превосходная статья „О способахъ изслѣдованія природы“), Н. А. Полевой („Спутники жизни“). Большинство статей въ „Мнемозинѣ“ принадлежитъ издателямъ. Главной цѣлью издателей альманаха, по словамъ Одоевскаго, было „распространеніе новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи, съ тѣмъ чтобы обратить вниманіе русскихъ читателей на предметы въ Россіи малоизвѣстные, по крайней мѣрѣ, заставить говорить о нихъ; положить предѣлъ нашему пристрастію къ французскимъ теорикамъ, наконецъ, показать, что не всѣ предметы исчерпаны, что мы, отыскивая въ чужихъ странахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся“ [2]). Что же это были за сокровища? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ помѣщенной во 2 кн. „Мнемозины“ статьѣ Кюхельбекера „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе“. К. желаетъ пересадить на русскую почву лучшія стороны нѣмецкаго романтизма, именно стремленіе къ свободѣ и изученіе народа. Высказывая благодарность Жуковскому за то, что онъ освободилъ русскую литературу изъ-подъ ига французской словесности, точнѣе Лагарпова Лицея, К. возста-

[1]) Отечеств. Зап. 1860, т. 130. Май. 133—144.

[2]) Мнемозина 1824. II. 233.

етъ противъ подчиненія русской литературы нѣмецкому владычеству". Всего лучше имѣть поэзію народную, замѣчаетъ онъ. Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности".

Въ „Мнемозинѣ" Одоевскому принадлежитъ 18 статей: „Старики или островъ Панхай," „Листки, вырванные изъ парнасскихъ вѣдомостей", „Афоризмы изъ различныхъ писателей по части современнаго германскаго любомудрія", „Елладій, картина изъ свѣтской жизни", семь апологовъ, характеръ, „Радуга—цвѣты—иносказанія", „Слѣдствія сатирической статьи", „Секта идеалистикоэлеатическая", отрывокъ изъ словаря исторіи философіи и три полемическія статьи, направленныя противъ Булгарина и Воейкова. Сатира молодаго писателя повторяетъ новиковскія темы обличенія, находившія, впрочемъ, оправданіе въ современной Одоевскому дѣйствительности. Сатира Одоевскаго ограничивается франтами, модницами, псовыми охотами и т. п.

„Листки" заключаютъ въ себѣ уставъ геніальнаго скопища, состоящаго изъ геніевъ, подъ-геніевъ, геніальныхъ переписчиковъ и геніальныхъ разсыльщиковъ. Для генія не требуется ни обширныхъ познаній, ни глубокаго ума. Геніевъ такъ много, что Аполлонъ не знаетъ, что дѣлать съ ними. Геніальные писаря рабски подражаютъ генію, величаютъ его преобразователемъ отечественнаго языка. Въ благодарность геній называетъ ихъ людьми съ дарованіями. Діаметрально противоположно геніальному скопищу стоитъ ультра-словесникъ. Онъ торжественно заявляетъ, что ничего новаго нельзя придумать. Въ заключеніе Полимнія устами автора возвѣщаетъ, что скоро наступитъ конецъ предразсудкамъ и ясное солнце (т. е. философія), восходя со стороны древнихъ тевтоновъ, озаритъ безконечное пространство знаній. Намеки Одоевскаго слишкомъ ясны, чтобы ихъ не отгадать. Геніальное скопище—Арзамасъ; преобразователь языка—Карамзинъ; подъ-геніи—люди въ родѣ Макарова, талантливаго послѣдователя карамзинской реформы слога; ультра-словесникъ—Шишковъ. „Арзамасъ" замолкъ въ 1817 г., „Бесѣда" Шишкова въ 1818 г.: но споры, вызванные этими литературными обществами, не улеглись и во время Мнемозины.

Въ „Аѳоризмахъ“ въ зачаточномъ состояніи находятся философскія идеи, которыя десять лѣтъ спустя были превосходно развиты Одоевскимъ въ „Русскихъ ночахъ“—идеи о недостаточности одного опытнаго знанія, объ отношеніи вещественнаго къ отвлеченному, какъ частнаго къ цѣльному, о равенствѣ всѣхъ конечныхъ высшему идеалу, объ абсолютной истинѣ, какъ тождествѣ идеальнаго съ реальнымъ, о томъ, что цѣль науки сама наука и т. п. Аѳоризмы произвели въ обществѣ благопріятное для молодаго ихъ автора впечатлѣніе. Извѣстный ученый Велланскій читалъ ихъ, по его собственному признанію, „съ величайшимъ удовольствіемъ“ [1]).

Въ полемическихъ статьяхъ Одоевскаго сказывается мягкость и доброта его характера. Булгаринъ и Воейковъ придирались къ „Мнемозинѣ“ по самымъ пустячнымъ поводамъ, по поводу обертки, опечатокъ, отдѣльныхъ словъ. Воейковъ находилъ непростительной грамматической ошибкой Кюхельбекера выраженіе „по мнѣ“. Булгаринъ издѣвался надъ выраженіями „лакомая дѣвушка“, „земляки всѣ его знали“ [2]). Одоевскаго тяготилъ споръ съ людьми, прибѣгавшими къ брани и доносамъ. Въ послѣдней книжкѣ „Мнемозины“ Одоевскій писалъ: „Я молодъ, не произвелъ ничего еще такого, что могло дать мнѣ право даже на названіе автора; если суждено мнѣ быть хорошимъ писателемъ, то брань ваша не достигнетъ меня; суждено мнѣ быть дурнымъ сочинителемъ—никакія похвалы г. Булгарина не спасутъ меня отъ забвенія. Теперь же оканчиваю на всегда журнальныя перебранки: онѣ мнѣ наскучили... Я и такъ довольно унижалъ себя, по молодости входя въ сношенія съ людьми, которые разсуждать не въ состояніи, а шутокъ не понимаютъ и не стоятъ“ [3]). Черезъ шесть лѣтъ Одоевскій вспомнилъ о своихъ препирательствахъ съ Булгаринымъ и Воейковымъ. Какъ горько иногда ему приходилось, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Въ эту позорную эпоху нашей критики литературная брань выходила изъ границъ всякой благопристойности; литература въ критическихъ статьяхъ была дѣломъ совершенно посторроннимъ: онѣ были просто ругательство, площадная

---

1) Рус. Арх. 1864. 805.
2) Новости литературы, Булгарина 1824. № XIV. 25.
3) Мнемозина. Часть 4. Стр. 227—228.

брань площадныхъ шутокъ, двусмысленностей, самой злонамѣренной клеветы и обидныхъ примѣненій, которыя часто простирались даже до домашнихъ обстоятельствъ сочинителя; разумѣется, въ этой безславной битвѣ выигрывали только тѣ, которымъ нечего было терять въ отношеніи къ честному имени. Я и мои товарищи были въ совершенномъ заблужденіи; мы воображали себя на тонкихъ философскихъ диспутахъ портика или академіи, или по крайней мѣрѣ въ гостиной; въ самомъ же дѣлѣ мы были въ райкѣ: вокругъ пахнетъ саломъ и дегтемъ, говорятъ о цѣнахъ на севрюгу, бранятся, поглаживаютъ нечистую бороду и засучиваютъ рукава; а мы выдумываемъ вѣжливыя насмѣшки, остроумные намеки, діалектическія тонкости, ищемъ въ Гомерѣ или Виргиліи самую жестокую эпиграмму противъ враговъ нашихъ, боимся расшевелить ихъ деликатность... Легко было угадать слѣдствія такого неравнаго боя. Никто не бралъ труда справляться съ Гомеромъ, чтобы постигнуть всю ѣдкость нашихъ эпиграммъ. Насмѣшки нашихъ противниковъ въ тысячу разъ сильнѣй дѣйствовали на толпу читателей, и потому что были грубѣе, и потому что менѣе касались литературы“ [1]).

Сочиненія Одоевскаго, помѣщенныя въ Мнемозинѣ, первые еще робкіе шаги писателя молодаго и неопытнаго. Сочиненія эти свидѣтельствуютъ о благотворности тѣхъ руководящихъ нравственныхъ началъ, которыя Благородный пансіонъ давалъ своимъ питомцамъ. Въ Мнемозинѣ Одоевскій обнаружилъ мягкость нрава, честность въ убѣжденіяхъ, наклонность къ серьезному философскому мышленію.

Съ выходомъ въ свѣтъ послѣдней книжки Мнемозины Одоевскій умолкъ на нѣсколько лѣтъ, нужно думать, подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое на него должно было произвести событіе 14 декабря. Тяжелый ударъ, сокрушившій тогда почти всю передовую молодежь, долженъ былъ тяжело отозваться на мягкомъ Одоевскомъ.

1826 году Одоевскій переселился въ Петербургъ и опредѣлился здѣсь на службу въ Вѣдомство иностранныхъ исповѣданій минист. внутр. дѣлъ, которымъ тогда завѣдывалъ Д. Н. Блудовъ.

---

[1]) Одоевскій, Сочин. II. 7.

Въ 1828 г. Одоевскій участвовалъ въ комитетѣ для пересмотра цензурнаго устава и здѣсь проводилъ ту мысль, что сокрытіе истины лишь задерживаетъ исправленіе зла. Черезъ тридцать лѣтъ Одоевскій въ запискѣ о цензурѣ развивалъ свои прежнія либеральныя мнѣнія о свободѣ печати. Онъ указывалъ правящимъ сферамъ, что при цензурныхъ строгостяхъ между публикой и литературой возникаетъ условный языкъ, за хитростями котораго никакая цензура не услѣдитъ[1]).

При графѣ Блудовѣ Одоевскій служилъ до 1846 г. Онъ былъ членомъ редакціи журн. мин. внутр. дѣлъ, исполнялъ разныя спеціальныя порученія министра, требовавшія особенныхъ знаній, напр. приведеніе въ однообразіе мѣръ и вѣсовъ, улучшеніе пожарной части въ Петербургѣ и др.

Въ первые годы служебной дѣятельности Одоевскаго имѣло мѣсто одно событіе, въ высшей степени характерно рисующее нравственную высоту Одоевскаго. Петербургская городская дума предложила одному аристократу званіе гласнаго. Важная особа нашла для себя унизительнымъ вмѣшаться въ толпу гражданъ и возвратила думѣ предложеніе съ надменнымъ указаніемъ на свою родовитость. Узнавъ объ этомъ, кн. Одоевскій, первый въ Россіи аристократъ по рожденію, самъ просилъ городской совѣтъ принять его въ гласные думы, что совѣтомъ, разумѣется, было исполнено весьма скоро и охотно[2]).

Конецъ 20-хъ и начало 30-хъ годовъ прошли у Одоевскаго въ ревностномъ самообразованіи. Въ это время Одоевскій усердно изучалъ философію. „Милый мой мудрецъ! писалъ къ нему Грибоѣдовъ 10 іюня 1825 г. Сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ. Не охлаждайся. Они всякой жизни придаютъ значеніе“ [3]). Одоевскій впослѣдствіи съ восторгомъ вспоминалъ о своемъ юношескомъ увлеченіи философіей, о томъ, какъ томила его душевная жажда, какъ онъ горячими устами припадалъ къ источнику мыслей и упивался его магическими струями[4]).

Наклонность къ философскимъ занятіямъ въ русскомъ обществѣ начала развиваться съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

---

[1]) Рус. Арх. 1874. VII. 11—39.
[2]) Московск. Вѣдомости. 1869. № 50.
[3]) Рус. Арх. 1864. 812.
[4]) Одоевскій, Сочиненія. I. 19.

Образцами философскаго умствованія былъ Вольтеръ и энциклопедисты, въ особенности Вольтеръ. Г. Полторацкій въ „Матеріалахъ для словаря русскихъ писателей“ насчитываетъ до 140 переводовъ Вольтера на русскій языкъ, вышедшихъ въ XVIII и XIX вѣкахъ. Вольтера издавали тогда даже въ провинціи (въ Козловѣ). По словамъ митроп. Евгенія, письменный Вольтеръ былъ тогда столько же извѣстенъ, какъ и печатный. Что же касается печатныхъ изданій, оффиціальныя цензурныя свѣдѣнія за 1797 г. показываютъ, что „сочиненія Вольтера ввозились тогда въ великомъ множествѣ и находились во всѣхъ книжныхъ лавкахъ“ [1]). Послѣдовавшее въ концѣ XVIII ст. въ правительственныхъ сферахъ охлажденіе къ просвѣтительнымъ идеямъ революціонныхъ философовъ задержало дальнѣйшее распространеніе этихъ идей въ Россіи.

Пересаженный въ десятыхъ годахъ изъ Германіи въ Россію романтизмъ сильно развился въ 30—40 годы. Вмѣстѣ съ романтизмомъ воспринята была и нѣмецкая философія. И то и другое было перенято лишь отчасти, въ блѣдной и неясной копіи, что не мѣшало, однако, возникновенію ревностнаго поклоненія германскому любомудрію. Всѣ ничтожныя брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Чрезвычайное увлеченіе философіей имѣло свою невыгодную сторону. „Молодые философы наши, замѣчаетъ Герценъ, испортили себѣ не одни фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ“.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и хорошей стороны увлеченія философскими занятіями. Эти занятія развивали высшіе духовные интересы, будили мысль, закаливали ее въ горнилѣ сильной логики, и давъ ей такимъ образомъ силу и устойчивость, облегчили тѣмъ самымъ для нея переходъ отъ безпредѣльныхъ витаній въ области безпредметныхъ умствованій въ сферу живой практической критики общественнаго строя.

[1]) А. Веселовскій, Западное вліяніе. 1883 г., стр. 59.

Въ особенности въ 30 годахъ сильно было вліяніе философіи Шеллинга на образованную русскую молодежь. Къ шеллингистамъ принадлежатъ Павловъ, Велланскій, Веневитиновъ, въ особенности Одоевскій. Одоевскаго увлекли шеллинговы идеи о природѣ, какъ видимомъ тѣлѣ безсмертнаго разума, о безсиліи чистаго опыта въ опредѣленіи всего существующаго, о необходимости внутренняго духовнаго откровенія для познанія природы, о поэтическомъ творчествѣ, какъ самомъ существенномъ проявленіи внутренняго духовнаго откровенія, о назначеніи каждаго народа сыграть на сценѣ всемірной исторіи свою особенную роль. Послѣдняя идея была главной причиной возникновенія славянофильства и западничества, какъ опредѣленныхъ философско-политическихъ ученій. Кромѣ Шеллинга, Одоевскій былъ знакомъ съ Платономъ, Спинозой и Гегелемъ, которыхъ изучалъ въ подлинникѣ.

Исходя изъ шеллинговой мысли, что наука есть стройный организмъ, живущій въ душѣ человѣка, причемъ отдѣлы знаній, какъ исторія, химія, философія,—лишь части этого организма, Одоевскій занимался и науками естественными, физикой, химіей и даже алхиміей. Въ книжныхъ шкафахъ Одоевскаго можно было найти Альберта Великаго, Парацельса, Раймунда Люллія. Иногда Одоевскій углублялся въ огромные фоліанты средневѣковыхъ алхимиковъ и читалъ ихъ мудреныя разсужденія о первой матеріи, о всеобщемъ электрѣ, о душѣ солнца, о звѣздныхъ духахъ и т. п. Его привлекала смѣлость замысловъ алхимиковъ и ихъ наклонность одухотворять міръ внѣшній. „Мы обрѣзали крылья воображенія, говоритъ онъ, мы составили для всего системы, таблицы; мы назначили предѣлъ, за который не долженъ переходить умъ человѣческій; мы опредѣлили, чѣмъ можно и должно заниматься... Но не въ этомъ ли бѣда наша? Не оттого ли, что предки наши давали больше воли своему воображенію, не оттого ли и мысли ихъ были шире нашихъ и обхватывали большее пространство въ пустынѣ безконечнаго, открывали то, что намъ вѣкъ не открыть при нашемъ мышиномъ горизонтѣ“ [1]).

Свои философскія идеи Одоевскій распространялъ двоякимъ способомъ—посредствомъ литературныхъ вечеровъ и печатныхъ сочиненій. Литературные вечера въ первой половинѣ настоящаго вѣка

---

[1]) Одоевскій, Пестр. сказки. 1833. 9.

были весьма обычны въ столицахъ и въ провинціи. Многія литературныя произведенія этого времени прежде своего появленія въ печати были прочитаны на литературныхъ вечерахъ. Здѣсь молодые таланты находили поддержку и одобреніе. Здѣсь они могли услышать и узнать много такого, чего въ книгахъ не было и не могло быть. Особенно благотворно должны были дѣйствовать на молодые таланты литературные вечера Одоевскаго. У него собиралось самое разнообразное общество: поэты, ученые, композиторы, живописцы. На вечерахъ господствовала большая свобода. Вечера бывали по субботамъ. Возникновеніе ихъ относится къ началу 20-хъ годовъ. „Кн. Одоевскій принималъ каждаго литератора и ученаго съ истиннымъ радушіемъ и протягивалъ руку всѣмъ, выступавшимъ на литературное поприще. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ онъ не стыдился званія литератора, не боялся открыто смѣшиваться съ литературною толпою и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ свѣтскихъ пріятелей“ [1])... Литературные вечера Одоевскаго посѣщали Жуковскій, А. Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ, Крыловъ, кн. Вяземскій, Плетневъ, М. Глинка, Грибоѣдовъ, Бѣлинскій, Герценъ, И. Кирѣевскій, Лермонтовъ, Даль, граф. Растопчина, Максимовичъ, кн. Шаховской, Сахаровъ, граф. Салогубъ, И. Панаевъ, Башуцкій, Погодинъ, Воейковъ, Каратыгинъ, Сѣровъ, Даргомыжскій, графы Вьельгорскіе, Потуловъ и др. дѣятели науки и искусства. Графъ Салогубъ [2]) и А. Гатцукъ [3]), указывая на благотворное значеніе литературныхъ вечеровъ кн. Одоевскаго, выдвигаютъ на первое мѣсто его значеніе, какъ соединительнаго звена между представителями литературы и искусства, выдвигаютъ даже въ ущербъ собственной его литературной дѣятельности, которая при этомъ какъ бы отдвигается на второй планъ.

Одоевскій писалъ подъ сильнымъ вліяніемъ романтизма. Русскій романтизмъ, насколько онъ выразился въ сочиненіяхъ Жуковскаго, Бестужева-Марлинскаго, Н. Полеваго, Одоевскаго, состоялъ въ крайнемъ преувеличеніи значенія личности въ исторіи и въ презрительномъ отношеніи къ „толпѣ“, обществу, въ стрем-

[1]) Панаевъ, Литер. воспом. въ „Соврем.“. 1861. I. 125.

[2]) „Голосъ“. 1869. № 72.

[3]) Газета Гатцука. 1879. № 8.

леніи къ свободѣ поэтическаго творчества и въ прославленіи народности. Въ дѣйствительности, романтики, за исключеніемъ Одоевскаго, плохо понимали, въ чемъ состоитъ народность. Когда явились сочиненія Гоголя, романтики ихъ не поняли, увидѣли въ нихъ низкія слова и житейскую грязь.

Въ петербургскій періодъ общественной и литературной дѣятельности кн. Одоевскаго, продолжавшійся 1826—1862 г., его умственный и нравственный складъ обнаружился вполнѣ. Въ это время вышли въ свѣтъ лучшія сочиненія Одоевскаго. Въ Петербургѣ развилась его широкая и благотворная филантропическая дѣятельность. Здѣсь же получила развитіе и его учено-музыкальная дѣятельность, расцвѣтъ которой относится къ половинѣ и концу 60-хъ годовъ, когда Одоевскій жилъ уже въ Москвѣ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Одоевскій близко сошелся съ А. Пушкинымъ. Тѣсныя дружескія отношенія между Одоевскимъ и Пушкинымъ ни разу не прерывались до самой смерти послѣдняго. Въ одномъ письмѣ къ Пушкину Одоевскій подвергаетъ строгому разбору „Капитанскую Дочку". Пушкинъ въ письмѣ къ Одоевскому откровенно высказывалъ что ему не понравилось въ „Сильфидѣ" и въ „Зизи". Съ выходомъ въ свѣтъ „Современника" Пушкина, Одоевскій сдѣлался постояннымъ его сотрудникомъ. Предназначенная для первой книжки „Современника" статья Одоевскаго „Разговоръ недовольныхъ" была вѣжливо отклонена Пушкинымъ. Во 2 кн. Одоевскій помѣстилъ небольшую статью „О враждѣ къ просвѣщенію", въ которой высказалъ мнѣніе, что литература часто проводитъ мысли, вредныя просвѣщенію; въ 3 книжкѣ—небольшую статью „Какъ пишутся у насъ романы", гдѣ доказывалъ, что романисту, кромѣ наблюденія надъ жизнью, необходимо поэтическое дарованіе[1]). По предложенію Пушкина, Одоевскій написалъ фантастическій разсказъ „Сильфида", напечатанный въ 1 кн. „Современника" 1837 г., вышедшей уже послѣ смерти Пушкина. Пушкину, ознакомившемуся съ Сильфидой въ рукописи, разсказъ этотъ не понравился.

Въ 1836 г. Одоевскій написалъ небольшую статью „О нападеніяхъ петербургскихъ журналовъ на Пушкина", напечатанную лишь через 28 лѣтъ въ „Рус. Архивѣ" [2]). Одоевскій защищаетъ

[1]) Современникъ 1836. III. 48—51.

[2]) Рус. Арх. 1864. II. 824—831.

своего знаменитаго друга отъ грубыхъ нападеній литературныхъ зоиловъ и, указываетъ на трудолюбіе и образованность, какъ на его отличительныя черты.

Могучая личность Пушкина не могла не повліять на Одоевскаго. Пушкинъ побуждалъ Одоевскаго къ литературной дѣятельности и, быть можетъ, нѣсколько регулировалъ его дѣятельность своими совѣтами и указаніями.

По смерти Пушкина Одоевскій въ теченіи 1837 г. еще участвовалъ въ „Современникѣ“, вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Плетневымъ и Краевскимъ.

Въ 1833 г. Одоевскій издалъ „Пестрыя сказки“ [1]), числомъ восемь. Пять сказокъ были перепечатаны въ 3 томѣ „Сочиненій“ изданія 1844 г. Не перепечатывались болѣе „Реторта“, „Новый Жоко“ и „Просто сказка“. Въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ, какъ сказки вышли въ 1833 г. онѣ довольно понятны и интересны. По изданію 1844 г. ихъ трудно понять. Погодинъ [2]) и Бѣлинскій[3]) находили Пестрыя сказки непонятными, особенно сказку „Игоша“.

„Реторта“ — XIX вѣкъ съ его мелкими интересами, съ его матеріализмомъ. Даже чертенокъ, подогрѣвающій реторту, удивляется пошлости людей XIX в. „День-деньской, говоритъ онъ, варишь-варишь, жаришь-жаришь, а много-много, что выскочитъ изъ реторты нашъ же братъ чертенокъ, не вытерпѣвшій людской скуки“[4]).

Слѣдующія за „Ретортой“ сказки уясняютъ причины, вызвавшія опошленіе общества. „Сказка о мертвомъ тѣлѣ“ представляетъ наклонность русскихъ дворянъ Савеліевъ Жалуевыхъ оставлять свое тѣло и превращаться въ иностранныхъ недорослей Цвердей-Джонъ-Луи. Въ „Новомъ Жако“, повидимому, Одоевскій хотѣлъ выразить мысль, что современному человѣку, при всѣхъ его несомнѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ въ удобствахъ матері-

[1]) Пестрыя сказки съ красными словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гамозейкою, магистромъ философіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, изданныя В. Безгласнымъ. СПб. 1833.

[2]) Голосъ. 1869. № 171.

[3]) Бѣлинскій, Сочин. 1860. IX. 53.

[4]) Пестрыя сказки. 23.

альной обстановки, недостаетъ свободы и братской любви къ ближнему. „Игоша“ представляетъ постепенный процессъ развитія въ душѣ ребенка мнѣа. Въ „Сказкѣ о томъ, по какому случаю колежскому совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенье не удалось въ Свѣтлое Воскресенье поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ“ можно видѣть намекъ на крайнее пристрастіе русскихъ людей къ картамъ, пристрастіе, отчасти обусловленное слабымъ развитіемъ образованности, недостаткомъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ. Смыслъ „Просто сказки“ теменъ. Повидимому, Одоевскій тутъ намекаетъ на литературныхъ льстецовъ. „Сказка о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту“ заключаетъ въ себѣ обличенія недостатковъ женскаго воспитанія, указываетъ на поверхностность женскаго образованія.

Въ 1834 г. Одоевскій напечаталъ небольшой разсказъ „Княжна Мими“, въ которомъ развиваетъ мысль о недостаточности женскаго образованія и воспитанія. „Канва, танцовальный учитель, немножко лукавства, tenez vous droite, да два-три анекдота, разсказанные бабушкой, какъ надежное руководство въ сей и будущей жизни—вотъ и все воспитаніе“. Неудивительно, что въ результатѣ такого воспитанія является неумѣніе выражаться по русски и наклонность къ модничанью и сплетничеству.

Въ „Пестрыхъ сказкахъ“ Одоевскій провелъ нѣкоторыя, нужно признать, неудачныя измѣненія въ знакахъ препинанія, именно: ограничилъ употребленіе запятой и ввелъ оборотный вопросительный знакъ (¿) въ началѣ вопросительныхъ предложеній, сохранивъ при этомъ общепринятый конечный вопросительный знакъ.

Въ тридцатыхъ годахъ Одоевскій увлекся педагогіей дѣтей съ 6 лѣти. до 10 лѣтнго возраста (дѣтей у Одоевскаго не было). Онъ приготовилъ по этому предмету большое сочиненіе „Наука до науки“, изъ котораго напечатана небольшая часть подъ заглавіемъ „Опытъ о педагогическихъ способахъ при первоначальномъ образованіи дѣтей“. Статья эта показываетъ, что Одоевскій былъ основательно знакомъ съ литературой элементарной педагогіи. Онъ признавалъ слѣдующія психологическія основанія педагогіи: „Въ каждую минуту душевной дѣятельности дѣйствуютъ

три главные дѣятеля: 1) врожденныя идеи, или, лучше сказать, предзнанія, истекающія сами собой изъ глубины души, 2) сознаніе, которое убѣждаетъ насъ въ ихъ существованіи, указывая на связь ихъ съ предметами внѣ человѣка, и 3) разумѣніе, которое, по выраженію Лейбница, есть не что иное, какъ „послѣдованіе истинъ“ [1]). Мы родимся съ врожденными идеями, какъ сѣмя родится со влеченіемъ образоваться въ растеніе, и до нихъ, наоборотъ, мы не можемъ дойти механическимъ отвлеченіемъ; но доходимъ лишь посредствомъ жизненнаго процесса, точно такъ же, какъ изъ растенія выдѣливается снова сѣмя не механическимъ путемъ, но посредствомъ органическаго процесса. Человѣку невозможно довольствоваться своими безсознательными мыслями и побужденіями, ибо, оставленныя безъ дѣйствія, онѣ могутъ погибнуть, какъ сѣмя непосѣянное; онѣ должны необходимо войти въ область сознанія и разумѣнія, какъ сѣмя въ нѣдро земли. Здѣсь условія успѣха, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ могутъ быть различны до безконечности; сѣмя не дастъ ничего противоположнаго своему существу; сѣмя пшеницы не производитъ яблока, и наоборотъ; но можетъ и не выйти, заглохнуть, произвести растеніе съ плодомъ и безъ плода, сильное или слабое, способное или неспособное къ прививкѣ; это зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ: то же и въ человѣкѣ. Жизнь врожденныхъ идей или предзнаній въ области сознательнаго разумѣнія есть вся жизнь человѣка и жизнь всего человѣчества въ его поступательномъ движеніи....... Учебный предметъ педагогіи—дать пищу врожденнымъ идеямъ человѣка; ея единственно вѣрная метода — пріучить умственныя силы ребенка къ сопряженію понятій, посредствомъ котораго онъ могъ бы самъ переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; первый пріемъ педагогіи — укрѣпить умственныя силы ребенка надъ тѣмъ, что ребенокъ уже знаетъ, но въ чемъ не отдаетъ еще себѣ отчета; затѣмъ: сообщить ему новыя понятія, хотя неполныя, но вѣрныя и постепенно пріучить его самаго видѣть связь между ними и пополнять пробѣлы, остающіеся необходимо во всякомъ преподаваніи. Способы усовершенствованія педагогіи зависятъ во-первыхъ, отъ общаго усовершенствованія всей области наукъ, во-вторыхъ,

[1]) Отечеств. Зап. 1845, томъ 43, стр. 130—146.

*

отъ положительныхъ наблюденій надъ процессомъ умственнаго развитія человѣка—почти съ его рожденія".

Въ 1834 г. вышла первая дѣтская сказка Одоевскаго „Городокъ въ табакеркѣ". За ней послѣдовали другія, напечатанныя большею частью въ „Дѣтскомъ журналѣ". Въ 1871 г. Д. Ѳ. Самаринъ издалъ всѣ дѣтскія сказки Одоевскаго въ III т. „Библіотеки для дѣтей и для юношества". Бѣлинскій признавалъ за Одоевскимъ удивительную способность писать для дѣтей [1]). Достоинства Одоевскаго, какъ дѣтскаго писателя, заключаются въ умѣніи принаравливать сюжеты къ дѣтской фантазіи, въ живости и увлекательности разсказа, въ ясности изложенія и простотѣ языка. Къ дѣтскимъ сказкамъ Одоевскаго враждебно отнеслись славянофилы. „Все наше просвѣщеніе, говоритъ Хомяковъ, отправлялось отъ глубокаго убѣжденія въ своемъ превосходствѣ и въ нравственной ничтожности той человѣческой массы, на которую оно хотѣло дѣйствовать. Всякій членъ общества думалъ такъ же, какъ изящный повѣствователь нашего времени, что любая дѣвочка изъ любаго общественнаго заведенія (намекъ на „Сиротинку" Одоевскаго) можетъ и должна произвести духовный переворотъ во всякой общинѣ русскихъ дикарей" [2]). К. Аксаковъ въ „Московск. Сборникѣ" 1849 г., не называя Одоевскаго прямо по имени, относитъ его въ разрядъ тѣхъ писателей аристократовъ, которые берутся писать повѣсти изъ простонародной жизни, вовсе не зная простаго народа [3]). Лучшее доказательство художественнаго достоинства дѣтской сказки, состоитъ въ томъ, что дѣти и взрослые читаютъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Такого рода сказки есть у Одоевскаго; напр. коротенькая, но въ высокой степени гуманная и прелестная по изложенію сказка о жителѣ Аѳонской горы [4]).

Одновременно съ выходомъ въ свѣтъ первыхъ дѣтскихъ сказокъ Одоевскій издалъ „Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ", который былъ неблагосклонно встрѣченъ критиками. По отзыву Бѣлинска-

[1]) Бѣлинскій, Сочин. XI. 180, 542.
[2]) Хомяковъ, Полн. собр. соч. 1861. I. 59.
[3]) Пыпинъ, Историч. очерки. 1873. 321.
[4]) Одоевскій, Дѣтск. сказки. 141—143.

го, стихи плохи [1]). Одоевскій никогда не писалъ стиховъ, и настоящій опытъ доказалъ лишь его несостоятельность въ стихосложеніи. Сборникъ болѣе не издавался, и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Въ 1837 г. Одоевскій въ „Литерат. Прибавленіяхъ къ Русск. Инвалиду" помѣстилъ статью объ игрѣ Каратыгина въ роли Гамлета. Знаменитый трагикъ дорожилъ мнѣніемъ Одоевскаго [2]).

Въ 1839 г. Одоевскій участвовалъ въ предпринятой Краевскимъ покупкѣ „Отечеств. Записокъ" Свиньина, которыя въ рукахъ новаго редактора высоко поднялись, благодаря критическимъ статьямъ Бѣлинскаго и философскимъ и беллетристическимъ статьямъ Герцена [3]).

Сближеніе кн. Одоевскаго съ М. А. Максимовичемъ началось еще въ 1824 г. Первая книга, изданная Максимовичемъ, „Зоологія" вызвала у кн. Одоевскаго весьма сочувственную рецензію въ Сынѣ Отечества. Мало того, Одоевскій отыскалъ самого Максимовича, познакомился съ нимъ, ввелъ его въ кругъ литераторовъ и весьма радовался его научнымъ и литературнымъ успѣхамъ.

Въ 1833 г. Максимовичъ издалъ „Книгу Наума". Это была первая попытка въ нашей литературѣ представить полезное и вмѣстѣ привлекательное чтеніе для простаго народа. „Я отъ вашей „Книги Наума" безъ ума отъ восхищенія, писалъ Максимовичу Одоевскій. Она вообще прекрасна. Вы совершенно попали въ тонъ необходимый въ семъ родѣ книгъ. Мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь замѣчательною для простолюдина, какъ сдѣлалъ ее Наумъ. Появленіе вашей книги произвело во мнѣ радость, которой я давно уже не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ; она хороша и сама по себѣ, и съ прекрасной цѣлью, и во время". Одоевскій предлагалъ Максимовичу совмѣстныя работы по изданію книгъ для народа, бралъ на себя издержки изданія, предоставляя всѣ выгоды Максимовичу [4]). Неизвѣстно, какъ отнесся къ этому предложенію

---

[1]) Бѣлинскій, Сочин. XI. 182.

[2]) Рус. Арх. 1864.

[3]) Современникъ 1861. II. 651.

[4]) Кіевск. Старина. 1883. IV. 843. Въ письмѣ къ Макс. от 10 іюня 1833 г. Од. упоминаетъ о своей статьѣ „Краткое понятіе о

Максимовичъ. Дѣло совмѣстнаго изданія народныхъ книгъ не состоялось. Но добрая мысль уже запала въ душу Одоевскаго, и онъ привелъ эту мысль въ исполненіе черезъ десять лѣтъ.

Въ 1843 г. Одоевскій и Заблоцкій издали первую книжку „Сельскаго Чтенія". Въ 1848 г. вышла послѣдняя книжка, четвертая. „Сельское Чтеніе" выдержало множество изданій; такъ, первая книжка—11, вторая 7. Число разошедшихся экземпляровъ громадно. И въ настоящее время „Сельское Чтеніе" превосходное чтеніе для простаго народа. Въ 40-хъ годахъ это изданіе было единственнымъ и исключительнымъ. Въ „С. Чт." говорятъ съ крестьяниномъ на языкѣ вполнѣ ему понятномъ о предметахъ для него близкихъ и интересныхъ. Матеріалъ, доступный для народнаго пониманія, обработанъ весьма тщательно. Въ однѣхъ статьяхъ излагаются правила нравственности, подкрѣпленныя искусно подобранными примѣрами назидательнаго свойства; въ другихъ статьяхъ изложены полезныя для крестьянъ практическія свѣдѣнія. Одоевскому въ „С. Чт." принадлежитъ 18 статей: „Что крестьянинъ Наумъ твердилъ своимъ дѣтямъ, наставляя ихъ на добро", „Что такое чертежъ земли, иначе планъ, карта и на что все это пригодно", „О томъ, что дядя Ириней видѣлъ въ своей печкѣ", „Кто такой дѣдушка Крыловъ", „Что такое чистота и къ чему она пригодна", „Что такое выставка сельскихъ произведеній", Врачебные совѣты" и др. Широко и многосторонне понималъ Одоевскій идею народнаго образованія. Вполнѣ гуманно, человѣчно смотрѣлъ онъ на крестьянина, какъ на разумное существо, и не отказывалъ ему въ какой либо отрасли знанія. Онъ предлагалъ крестьянину не одни наставленія объ опрятности, не одни свѣдѣнія объ овцахъ, лошадяхъ, коровахъ, полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ. Исходя изъ той мысли, что крестьянину, какъ человѣку, ничто человѣческое не можетъ быть чуждо, Одоевскій знакомилъ его съ книгопечатаніемъ, исторіей русской литературы, устройствомъ локомотива и т. п. Не многіе могли оцѣнить гуманный и патріотическій подвигъ Одоевскаго, — могъ оцѣнить Бѣлинскій, Максимовичъ, Квитка, Даль, еще пять-шесть выдающих-

---

книіи", напеч. во 2 кн. „Журн. Общеполезн. свѣдѣній", а въ другихъ письмѣ безъ хронолог. помѣты говорятъ о двухъ своихъ не напечатанныхъ статьяхъ: Сценѣ изъ Петра Пустынника и Дѣтской книжкѣ.

ся умовъ, и только. Крѣпостники смотрѣли на Одоевскаго съ насмѣшкой, какъ на чудака, измышляющаго какую-то литературу для ихъ холоповъ. Славянофилы принципіально отвергали интеллигентную литературу для народа, усматривая въ ней неуваженіе къ народной мудрости и подозрѣвая вліяніе гнилаго запада.

Въ 1844 г. вышло собраніе сочиненій Одоевскаго въ трехъ частяхъ. Произведенія 20-хъ годовъ сюда не вошли за исключеніемъ „Санскритскихъ преданій",—двухъ небольшихъ разсказовъ, написанныхъ въ 1824 г. Большая часть статей, вошедшихъ въ собраніе сочиненій, была написана въ 30-хъ годахъ и первоначально помѣщена въ журналахъ: „Современникѣ", „Отеч. Зап.", „Библ. д. Чт." и „Сѣверныхъ цвѣтахъ".

Въ первой части находятся „Русскія ночи",—рядъ превосходныхъ статей, обнаруживающихъ всѣ своеобразныя черты литературной дѣятельности Одоевскаго. Чтобы сдѣлать свои философскія мысли понятными для читателя, Одоевскій пользуется и химіей, и медициной, и математикой. Отъ пророческаго тона онъ нисходитъ къ легкой шуткѣ; вездѣ смѣсь и пестрота. Вездѣ видно сердечное убѣжденіе въ истинности изложенныхъ мнѣній; вездѣ видно искусство отъ простаго предмета восходить до мысли сильной и глубокой. По весьма остроумному замѣчанію Дугера, Одоевскій „descend avec facilité de la contemplation idéale à l'observation pratique et sème frequement la raison sous le caprice" [1].

Въ сочиненіяхъ Одоевскаго обнаруживается удивительная начитанность: „Когда вы читаете Русскія Ночи Одоевскаго, говоритъ Скабичевскій, васъ невольно поражаетъ универсальность и обстоятельность знаній этого человѣка по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Можно положительно сказать, что до него и послѣ него вы немного найдете въ Россіи людей, которые обладали бы такимъ обширнымъ энциклопедизмомъ" [2].

Къ числу выдающихся чертъ сочиненій Одоевскаго слѣдуетъ еще отнести цѣломудренность мыслей и картинъ и наклонность оправдать человѣка. Нужно сравнить описаніе первой брачной ночи у Одоевскаго и Сенковскаго, чтобы убѣдиться въ деликатно-

[1]) Douhaire, Le Decameron russe. Paris. 1855. Indrat.
[2]) Отечеств. Зап. 1870, т. 193. XI. 8.

сти перваго.[1]) Стоитъ прочитать въ „Княжнѣ Мими“ слова Одоевскаго въ оправданіе злаго нрава старой дѣвы, чтобы убѣдиться въ томъ, что Одоевскій не бросалъ камня въ порочнаго человѣка.[2]) Онъ находилъ, что „всякое страданіе можетъ измѣряться лишь организаціей того существа, которое оно поражаетъ“. [3])

Замѣчательная особенность Одоевскаго состоитъ въ томъ, что онъ не даетъ готовыхъ выводовъ, а вмѣстѣ съ читателемъ, мало-по-малу, шагъ за шагомъ анализируетъ каждую мысль, каждое явленіе, и выводъ получается результатомъ какъ-бы обоюднаго труда. Одоевскій сознавалъ непопулярность такого пріема литературной работы. За то мало на свѣтѣ сочиненій, дѣйствіе которыхъ было бы такъ благотворно на умственную самодѣятельность читателя, какъ дѣйствіе „Русскихъ ночей“.

Форма сочиненій Одоевскаго, понимаемая какъ рамка, въ которую онъ вставлялъ свои мысли, большею частью не оригинальна. Изъ иностранныхъ писателей Гофманъ имѣлъ на Одоевскаго весьма сильное вліяніе. Графиня Растопчина называла Одоевскаго Hoffman II.[4]) Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ сочиненія Гофмана пользовались въ Россіи большимъ почетомъ. Нѣсколько литературныхъ вечеровъ носили названіе серапіоновскихъ [5]). Нѣкоторые писатели посѣщали винные погребки, слѣдуя примѣру Гофмана, который любилъ проводить время въ пивныхъ [6]). Внѣшняя форма „Русскихъ Ночей“ несомнѣнно навѣяна серапіоновскими собраніями. Какъ у Гофмана четыре брата собираются вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ разсказываетъ какую нибудь длинную исторію, — такъ у Одоевскаго поступаютъ четыре молодыхъ человѣка, не связанныхъ, правда, узами семейнаго родства, но тѣмъ не менѣе близкихъ между собою по духовнымъ интересамъ. Giambatista Piranesi нарисованъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ гофманскаго Серапіона. Въ обоихъ лицахъ изображено тихое, спокойное сумасшествіе. И Піранези, и Серапіонъ помѣшаны на предметахъ возвышенныхъ. Сумасшествіе того и другаго

---

[1]) Сравни Соч. Одоевскаго II 23. съ соч. Сенковскаго. 1858. II.
[2]) Одоевскій, Сочин. II. 303—304.
[3]) Тамъ же II. 48.
[4]) Рус. Арх. 1864.
[5]) Современ. 1861, кн. 2, с. 634.
[6]) Современ. 1861, кн. II (XI), с. 45.

одинаково возбуждаетъ въ читателѣ жалость и состраданіе. Обоихъ писатели заставляютъ разсуждать весьма логично. Оба служатъ доказательствомъ того положенія, что между здравою и безумною мыслью трудно провести строгую разграничительную линію."[1]) „Послѣдній квартетъ Бетховена" подвергся вліянію другого гофмановскаго сумасшедшаго, Креспеля. Въ „Посл. квар. Бетх." Одоевскій между прочимъ развилъ ту мысль Гофмана, что безпокойная и странная дѣятельность художниковъ и поэтовъ, кажущаяся въ иныхъ случаяхъ сумасбродной, на самомъ дѣлѣ весьма естественна, какъ проявленіе ихъ глубокой натуры, которая спѣшитъ выразить въ дѣйствіи то, что въ насъ только мысль" [2]). „Сильфида" и „Саламандра" Одоевскаго представляютъ поэтическое развитіе слѣдующаго мѣста изъ сочиненій Гофмана:"..... Земля, воздухъ, вода и огонь наполнены существами болѣе высшими, но и болѣе ограниченными, чѣмъ человѣкъ. Я не стану тебѣ объяснять сущности гномовъ, сильфовъ, ундинъ и саламандръ..... Духи эти постоянно жаждутъ соединенія съ человѣкомъ, а зная, что люди всегда боятся такого знакомства, они употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы достичь своей цѣли и сгубить излюбленнаго ими человѣка. Хитрый духъ садится то въ цвѣтокъ, то въ стаканъ воды, то въ пламя свѣчки, то въ какую нибудь блестящую вещицу и терпѣливо ждетъ случая добиться своего.... Союзъ съ духомъ представляетъ всегда большую опасность уже потому, что духъ, связавшись съ человѣкомъ, отнимаетъ у него весь разумъ, сверхъ того жестоко мститъ ему за каждое малѣйшее оскорбленіе" [3]). „Письма къ графинѣ Растопчиной о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ, магіи, кабалистикѣ, алхиміи и другихъ таинственныхъ наукахъ" формой, быть можетъ и замысломъ, обязаны „Тайнамъ или замѣчательной перепискѣ автора съ различными лицами" Гофмана[4]). Музыкальное

[1]) Гофманъ, Полн. собр. соч. перев. подъ ред. Гербеля и Соколовскаго. СПб. 1873, т. I, с. 18—34.
Одоевскій, Соч. 1844, т. I, с. 40—45.
[2]) Гофманъ, Соч. т. I, с. 34—64.
Одоевскій, Соч. 1844, т. I, с. 156—173.
[3]) Гофманъ, Сочин. въ пер. Гербеля. СПб. т. IV, с. 301.
Одоевскій, Сочин. 1844, т. 2, с. 104—141; 141—287.
[4]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 3, с. 307—359.
Hoffmann's Schriften. Elter Band. Stuttg. 1839, c. 218.

образованіе Себастьяна Баха подъ руководствомъ старшаго брата, Христофора, въ изложеніи Одоевскаго, напоминаетъ музыкальное образованіе гофмановскаго Теодора[1]).

Изъ иностранныхъ писателей, кромѣ Гофмана, на Одоевскаго вліяли Гете и Жанъ-Поль Рихтеръ. Талантъ Ж. П. Рихтера былъ сродни таланту Одоевскаго. Поэтическій дидактизмъ—отличительная особенность произведеній обоихъ писателей.

Замѣчательно сходство по формѣ между нѣкоторыми сочиненіями Одоевскаго и Сенковскаго. „Княжна Мими" (1834) Одоевскаго напоминаетъ „Всю женскую жизнь въ нѣсколькихъ часахъ" (1833) Сенковскаго[2]). Въ обоихъ разсказахъ представлена злая клеветница, отъ интригъ которой въ разсказѣ Одоевскаго гибнетъ молодая дама, а въ разсказѣ Сенковскаго—дѣвушка, институтка. „Похожденія одной ревизской души" (1834) Сенковскаго имѣютъ въ иныхъ мѣстахъ сходство съ „Сказкой о Мертвомъ тѣлѣ" (1833) Одоевскаго[3]) „Живой Мертвецъ" (1839) Одоевскаго весьма напоминаетъ „Записки домового" (1835) Сенковскаго. Въ обоихъ разсказахъ въ странствованіяхъ по землѣ покойниковъ раскрывается ихъ порочная жизнь[4])—Я не думаю, чтобы Одоевскій и Сенковскій въ чемъ либо подражали другъ другу. Не смотря на то, что оба они были образованнѣйшіе и ученнѣйшіе люди своего времени, ихъ умственный и нравственный складъ представлялъ непримиримыя противоположности, и, понятно, что они одинъ другого терпѣть не могли. Одоевскій, дружелюбно относившійся ко всѣмъ писателямъ, всегда чуждался Сенковскаго. Мелочный и злой эгоистъ Сенковскій ненавидѣлъ Одоевскаго. Одоевскій обвинялъ Сенковскаго въ своекорыстіи, мелкомъ скептицизмѣ, непониманіи русскаго языка и русскихъ писателей. Сенковскій зло издѣвался надъ сочиненіями Одоевскаго. Сходство нѣсколькихъ произведеній Одоевскаго и Сенковскаго объяс-

---

[1]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 2, с. 219—234.
Гофманъ, Сочин. въ пер. Гербеля. 1873, т. 1, с. 76.
[2]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 2, стр. 287—355.
Сенковскій, Собраніе сочиненій. 1858, т. 3, стр. 344—346.
[3]) Сенковскій, Сочиненія. 1858, т. 3, стр. 65. — Одоевскій, Пестрыя сказки. 1833. 29—53.
[4]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 3, стр. 99—140.— Сенковскій, Сочин. 1858, т. 3.

нается общей избитой формой романтическихъ произведеній. Чтобы заинтересовать читателя, писатели облекали свои мысли и наблюденія въ фантастическія образы и въ такомъ видѣ представляли ихъ на благоусмотрѣніе публики. Самъ Сенковскій, не смотря на то, что называлъ романтизмъ безсмыслицей, смѣшнымъ, безвкуснымъ, уродливымъ и ложнымъ [1]), не говорилъ о современныхъ литераторахъ и ученыхъ, не нарядивъ ихъ предварительно въ костюмъ жертведовъ, демоновъ или чертей.

„Во всѣ эпохи, говоритъ Одоевскій въ предисловіи къ „Русскимъ Ночамъ", душа человѣка стремленіемъ необоримой силы, невольно, какъ магнитъ къ сѣверу, обращается къ задачамъ, коихъ разрѣшеніе скрывается въ глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ духовную жизнь и жизнь вещественную. Ничто не останавливаетъ сего стремленія, ни житейскія печали и радости, ни мятежная дѣятельность, ни смиренное созерцаніе. Сіе стремленіе столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходитъ независимо отъ воли человѣка, подобно физическимъ отправленіямъ. Проходятъ столѣтія; все поглощается временемъ: понятія, нравы, привычки, направленіе, образъ дѣйствованія; вся прошедшая жизнь тонетъ въ недосягаемой глубинѣ, а чудная задача всплываетъ надъ утопшимъ міромъ" [2]). Такова, между прочимъ, задача человѣческой жизни. „Зачѣмъ мы живемъ?" спрашиваетъ Одоевскій у читателя. Рѣшеніе этого вопроса онъ облегчаетъ тѣмъ, что даетъ ему правильную постановку. Истина не передается, говоритъ онъ. Опредѣленіе жизни должно выговорить въ собственной душѣ. Его нельзя передать другому; можно лишь навести, и то въ такомъ случаѣ, когда этотъ другой путемъ самостоятельной работы внутренняго самоопредѣленія дошелъ до приблизительно подобныхъ результатовъ. Одоевскій человѣка, ищущаго разрѣшенія загадки жизни, ободряетъ увѣреніемъ, что „не напрасно человѣкъ ищетъ той точки опоры, гдѣ могли бы примириться всѣ его желанія, гдѣ всѣ вопросы, его возмущающіе, могли бы найти отвѣтъ, всѣ способности получить стройное направленіе. Для его счастья необходимо одно: свѣтлая, обширная аксіома, которая обняла бы все и спасла бы его отъ муки сомнѣ-

[1]) Сенковскій, Сочин. 1858, т. 1, стр. 412 и 421.
[2]) Одоевскій, Сочин. I. Предис. 3.

нія; ему нуженъ свѣтъ незаходимый и неугасаемый, живой центръ для всѣхъ предметовъ, — словомъ, ему нужна истина, но истина полная, безусловная.... Если существуетъ влеченье, то долженъ быть и предметъ привлекающій, предметъ одного сродства съ человѣкомъ, къ которому тянется душа человѣка, какъ предметы земной поверхности притягиваются къ центру земли; потребность полнаго блаженства свидѣтельствуетъ о существованіи сего блаженства; потребность свѣтлой истины свидѣтельствуетъ о существованіи сей истины, а равно и то, что темнота, заблужденіе, сомнѣніе противны природѣ человѣка;. стремленіе человѣка постигнуть причину причинъ, проникнуть въ средоточіе всѣхъ существъ, — потребность благоговѣнія свидѣтельствуютъ, что есть предметъ, въ который довѣрчиво можетъ погрузиться душа; словомъ, желаніе жизни полной свидѣтельствуетъ о возможности такой жизни, свидѣтельствуютъ, что лишь въ ней душа человѣка можетъ найти успокоеніе.

Грубое дерево, послѣдняя былинка, каждый предметъ грубой вещественной природы доказываютъ существованіе закона, который ведетъ ихъ прямо къ той степени совершенства, къ которой они способны; съ начала вѣковъ...... естественныя тѣла развивались стройно и однообразно и всегда достигали до полнаго своего развитія.

Неужели высшая сила лишь человѣку дала одно безотвѣтное желаніе, неудовлетворимую потребность, безпредметное стремленіе?[1])

„Задача человѣка“ подниматься отъ земли, не оставляя ее [2]). Въ возвышенныхъ пареніяхъ своей души онъ не долженъ упускать дѣйствительность.

Символомъ неудовлетворимыхъ стремленій крайняго идеализма у Одоевскаго служитъ неаполитанскій архитекторъ Giambatista Piranesi. Въ необузданныхъ порывахъ своей творческой фантазіи Пиранези потерялъ всякое чувство мѣры, необходимо присущее истинно художественному таланту. Геніальными проэктами Пиранези восхищался Микель-Анджело; но никто не брался за ихъ осуществленіе. Проэкты были черезчуръ колосальны. Геній Пиранези задыхался отъ непрактичности, непримѣнимости, невоз-

[1]) Тамъ же, т. 1, стр. 17 и 18.
[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 156.

можности осуществить замыслы. Пиранези является безумцемъ. Онъ желалъ соединить сводомъ Этну съ Везувіемъ для тріумфальныхъ воротъ, которыми начинается паркъ проэктированнаго имъ замка.

Но горе человѣчеству, когда оно ограничивается узкими интересами земли. Пренебреженіе высшими духовными стремленіями ведетъ къ гибели. Одоевскій не допускаетъ возможности полнаго матеріализма. По его словамъ, человѣкъ такъ далекъ отъ всякаго совершенства, что не можетъ даже совершенно оскотиться. [1]) Одоевскій казнитъ смертью общество, отказавшееся отъ высшихъ духовныхъ интересовъ. Онъ жестоко нападалъ на Бентама, ученію котораго приписывалъ черезчуръ метеріалистическій характеръ. „Городъ безъ имени" тенденціозное и потому одностороннее развитіе теоріи Бентама, что польза есть основное начало всѣхъ человѣческихъ отношеній, какъ политическихъ, такъ и моральныхъ. „Сохрани васъ Богъ, говоритъ Одоевскій, сосредоточить всѣ умственныя, нравственныя и физическія силы на одно матеріальное направленіе, какъ бы полезно оно ни было: будутъ ли то желѣзныя дороги, бумажныя прядильни, сукновальни или ситцевыя фабрики. Односторонность есть ядъ нынѣшнихъ обществъ, и тайная причина всѣхъ жалобъ, смутъ и недоумѣній; когда одна вѣтвь живетъ на счетъ цѣлаго дерева, — дерево изсыхаетъ" [2]).

Одоевскій придавалъ чрезвычайно важное значеніе искусству въ жизни частной и общественной. Въ душѣ онъ былъ художникъ. Онъ былъ чутокъ къ прекрасному, гдѣ бы оно ни проявлялось, въ природѣ, картинѣ, литературномъ произведеніи, зданіи, статуѣ или симфоніи. Въ опредѣленіи значенія эстетическаго образованія для самобытной дѣятельности духа Одоевскій слѣдовалъ Шеллингу. Шеллингъ въ эстетическомъ чувствѣ видѣлъ непонятное начало, которое невольно соединяетъ предметы съ познаніями. Эстетическія воззрѣнія Шеллинга господствовали въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ русской литературѣ. Надеждинъ, наприм., говоритъ объ эстетическомъ образованіи слѣдующее: „Эстетическое образованіе есть довершеніе и вѣнецъ нашей жизни:

---

[1]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 1, с. 12.

[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 59.

безъ него наша человѣческая природа вызрѣть не можетъ. Оно должно оканчиваться поэзіею жизни, которая есть не что иное, какъ полное, гармоническое развитіе всѣхъ струнъ человѣческаго бытія нашего. Не будь этого развитія — струны сіи никогда не издадутъ полныхъ и свѣтлыхъ звуковъ. Вся жизнь наша превратится тогда въ протяжную монотонію, хладную и мрачную. Въ нашихъ дѣйствіяхъ слышенъ будетъ тяжелый скрыпъ механической работы: наши познанія будутъ отзываться унылою пустотою чахлаго педантизма. Безъ эстетическаго образованія мы не можемъ вполнѣ наслаждаться блаженствомъ человѣческаго бытія нашего!...“ [1])

Одоевскій признавалъ четыре общечеловѣческихъ элемента: потребность истины, любви, благоговѣнія и силы, или власти.[2]) Человѣку дана привиллегія творить особенный міръ, гдѣ онъ можетъ соединять основные элементы въ какой хочетъ пропорціи, даже въ ихъ настоящемъ естественномъ равновѣсіи; этотъ міръ называется искусствомъ..... Въ этомъ мірѣ человѣкъ можетъ найти символы того, что совершается или должно бы совершаться внутри и вокругъ него; но зодчіе этого міра часто вносятъ и въ него ту несоразмѣрность между стихіями, которою они сами страдаютъ, не замѣчая того; другіе же счастливцы безсознательно такъ строятъ этотъ міръ, что въ немъ отражается неожиданно та гармонія, которая звучитъ въ душѣ самихъ зодчихъ“[3]) „Міръ искусства безконеченъ“[4]). Въ области искусства Одоевскій первое мѣсто отводитъ поэзіи и музыкѣ.

„Поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, говоритъ онъ, есть одно и то же гармоническое произведеніе; всякій художникъ прибавляетъ къ нему свою черту, свой звукъ, свое слово: часто мысль, начатая великимъ поэтомъ, договаривается самымъ посредственнымъ; часто темную мысль, зародившуюся въ простолюдинѣ, геній выводитъ въ свѣтъ немерцающій; часто поэты, раздѣленные временемъ и пространствомъ, отвѣчаютъ другъ другу, какъ отголоски между утесами“. [5]) Человѣкъ не можетъ отдѣлаться отъ

[1]) Отеч. Зап. 1870, т. 193. Нояб. стр. 46.
[2]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 1, стр. 380.
[3]) Тамъ же, т. 1, стр. 382.
[4]) Тамъ же, т. 1, стр. 252.
[5]) Тамъ же, т. 1, стр. 212 и 213.

поэзіи. „Она, какъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ, входитъ въ каждое дѣйствіе человѣка, безъ чего *жизнь* [1]) этого дѣйствія была бы невозможна; символъ этого психологическаго закона мы видимъ въ каждомъ организмѣ; онъ образуется изъ углекислоты, водорода и азота: пропорціи этихъ элементовъ разнятся почти въ каждомъ животномъ тѣлѣ; но безъ одного изъ этихъ элементовъ существованіе такого тѣла было бы невозможно; въ мірѣ психологическомъ поэзія есть одинъ изъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ *древо жизни* [2]) должно было бы исчезнуть: оттого даже въ каждомъ промышленномъ предпріятіи человѣка есть *quantum* [3]) поэзіи, какъ наоборотъ, въ каждомъ чисто поэтическомъ произведеніи есть *quantum*[4]) вещественной пользы"[5]) „Поэзія, по словамъ Одоевскаго, досказываетъ жизнь" [6]). „Не все досьазывается мертвою буквою лѣтописца; не всякая мысль, не всякая жизнь достигаетъ полнаго развитія, какъ не всякое растеніе достигаетъ до степени цвѣта и плода; но возможность сего развитія тѣмъ не уничтожается; умирая въ исторіи, оно воскресаетъ въ поэзіи" [7]). Поэтъ „читаетъ букву вѣка въ свѣтлой книгѣ всевѣчной жизни, провидитъ естественный путь человѣчества и казнитъ его совращеніе" [8]). Оттого Одоевскій и называетъ поэта „первымъ судьею человѣчества" [9]). Ни исторія, ни теорія поэзіи не создаютъ поэзію"[10]). Она зарождается отъ непосредственнаго чувства, природнаго дарованія. Поэту необходимы знанія. Ему полезно иногда нисходить до внѣшней природы, чтобы увѣриться въ превосходствѣ своей внутренней и легче уловить ея вѣчные законы. Поэту необходимо также имѣть убѣжденія, потому что для читателя вовсе не безразлично, какъ поэтъ относится къ тѣмъ или другимъ явленіямъ міра физическаго и нравственнаго"[11]).

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.
[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.
[3]) Курсивъ въ подлинникѣ.
[4]) Курсивъ въ подлинникѣ.
[6]) Тамъ же, т. 1, стр. 58.
[5]) Тамъ же, т. 1, стр. 5.
[7]) Тамъ же, т. 1, Предисловіе, стр. V.
[8]) Тамъ же, т. 1, стр. 31.
[9]) Тамъ же, т. 1, стр. 31.
[10]) Тамъ же, т. 1, стр. 30.
[11]) Тамъ же, т. 1, стр. 172.

Воззрѣніе Одоевскаго на музыку такъ же широко и цѣльно, какъ и воззрѣніе его на поэзію. Онъ говоритъ, что есть высшая степень души человѣка, которой онъ не раздѣляетъ съ природою, которая ускользаетъ изъ-подъ рѣзца ваятеля, которую не доскажутъ пламенныя строки стихотворца, — та степень, гдѣ душа, гордая своею побѣдою надъ природою, во всемъ блескѣ славы смиряется предъ Вышнею Силою, съ горькимъ страданіемъ жаждетъ перенести себя къ подножію Ея престола, и, какъ странникъ среди роскошныхъ наслажденій чуждой земли, вздыхаетъ по отчизнѣ; чувство, возбуждающееся на этой степени, люди назвали невыразимымъ; единственный языкъ этого чувства музыка; одни ея безпредѣльные, безграничные звуки обнимаютъ безпредѣльную душу человѣка [1]). Замѣчательны слова Одоевскаго, что „все различіе между людьми есть только различіе страданій“ [2]) и что „музыка есть по преимуществу выраженіе человѣческихъ страданій“ [3]). Каждая мысль, выразившаяся въ музыкальномъ произведеніи, по мнѣнію Одоевскаго, одно лишь звено въ безконечной цѣпи мыслей и страданій, а минута, когда художникъ нисходитъ до степени человѣка, есть отрывокъ изъ долгой болѣзненной жизни неизмѣримаго чувства, каждое выраженіе котораго, каждая черта — родилась отъ горькихъ слезъ Серафима, заклепаннаго въ человѣческую одежду, и часто отдающаго половину жизни, чтобъ только минуту подышать свѣжимъ воздухомъ вдохновенія [4]). Особенно много горя выражаетъ музыка Бетховена [5]). Въ доказательство важности гуманизирующаго вліянія музыки, Одоевскій указываетъ на то обстоятельство, что по изслѣдованіямъ филантроповъ „лишь тѣ изъ преступниковъ склонны къ исправленію, въ которыхъ оказывается расположеніе къ музыкѣ“ [6]). Одоевскій обвиняетъ современниковъ въ непониманіи настоящихъ достоинствъ музыки. „Гимнамъ, выражающимъ внутреннее человѣка, матеріальный духъ времени придалъ характеръ контраданса, унизилъ его выраженіемъ небывалыхъ страстей, вы-

---

[1]) Тамъ же, т. 1, стр. 249 и 250.
[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 109.
[3]) Тамъ же, т. 1, стр. 82.
[4]) Тамъ же, т. 1, стр. 166.
[5]) Тамъ же, т. 1, стр. 170.
[6]) Тамъ же, т. 1, стр. 363.

раженіемъ духовной лжи, облѣпилъ бѣдное искусство блескомъ, руладами, трелями, всякою мишурою, чтобъ люди не узнали его, не открыли его глубокаго смысла! Случилась странность: все, что музыканты писали въ угожденіе духу времени, для настоящей минуты, для эффекта, ветшаетъ, надоѣдаетъ и забывается.... Россиніевскій блескъ уже погасъ!...... А между тѣмъ живетъ старый Бахъ! живетъ дивный Моцартъ".

Въ „Русскихъ Ночахъ" Одоевскій неоднократно высказалъ мысль, что между чувствомъ и мыслью съ одной стороны и ихъ выраженіемъ съ другой лежитъ цѣлая пропасть, которую не можетъ наполнить даже музыка при всей ея способности передавать тонкія ощущенія человѣческой души. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, каждый разговоръ, каждая рѣчь есть обманъ, въ который мы впадаемъ сами и вводимъ другихъ; мы думаемъ, что говоримъ объ одномъ предметѣ, когда, вмѣсто того, говоримъ о совершенно различныхъ предметахъ.... Мы къ данному слову присовокупляемъ еще какое-то понятіе, невыражаемое словами, понятіе, сообщенное намъ не внѣшнимъ предметомъ, но самобытно и безусловно исшедшее изъ нашего духа.... Мы говоримъ не словами, но чѣмъ то, что находится внѣ словъ, и для чего слова служатъ только загадками, которыя иногда, но отнюдь не постоянно, наводятъ насъ на мысль, заставляютъ насъ догадываться, пробуждаютъ въ насъ мысль, но отнюдь не выражаютъ ее.... Одно условіе понимать другъ друга: говорить искренно и отъ полноты душевной. Когда два или три человѣка говорятъ отъ души, они не останавливаются на большей или меньшей полнотѣ своихъ словъ; между ними образуется внутренняя гармонія; внутренняя сила одного возбуждаетъ внутреннюю силу другаго; ихъ соединеніе, какъ соединенія организмовъ въ магнетическомъ процессѣ, возвышаетъ ихъ силу; они оба дружно съ быстротою неисчислимою переходятъ цѣлые міры различныхъ понятій и согласно достигаютъ искомой цѣли; если этотъ переходъ выразить словами, то, по ихъ несовершенству, они едва означатъ лишь конечныя грани: точку отправленія и точку покоя; внутренняя нить, ихъ связывающая, для словъ недоступна. Оттого, въ живомъ, откровенномъ, искреннемъ разговорѣ, кажется, нѣтъ логической связи, а между тѣмъ, лишь при этомъ гармоническомъ столкновеніи внутреннихъ силъ человѣка рожда-

ются нежданно самыя глубокія наблюденія, какъ замѣтилъ мимоходомъ Гете... На этотъ процессъ обыкновенно не обращаютъ вниманія, а между тѣмъ онъ такъ важенъ, что безъ предварительнаго изученія этого процесса всякое философическое понятіе, выраженное словами, есть не что иное какъ простой звукъ, могущій имѣть тысячи произвольныхъ значеній; словомъ, безъ предварительнаго изученія процесса выраженія мыслей—никакая философія невозможна [1]).

[1]) Одоевскій, Сочин. 1844, т. 1, стр. 279—282.

Далѣе Одоевскій указываетъ на способность языка измѣнять значеніе слова, сохраняя неприкосновенной его форму: „Слово изящество то ли значило для людей прошлаго вѣка, что для людей нынѣшняго? добродѣтель язычника была бы преступленіемъ въ наше время; вспомни злоупотребленіе словъ: равенство, свобода, нравственность. Это мало: нѣсколько саженей земли и смыслъ словъ перемѣняется: баранта, вендетта, всѣ роды кровавой мести—въ нѣкоторыхъ странахъ значатъ долгъ, мужество, честь“. При этомъ Одоевскій замѣчаетъ: „Буквы природы постояннѣе буквъ человѣческихъ: въ природѣ дерево всегда ясно и вполнѣ выговариваетъ свое слово; дерево, подъ какими бы именами оно ни существовало въ языкѣ человѣческомъ... Дерево было деревомъ для всякого отъ начала вѣковъ“. Разсужденіе Одоевскаго въ данномъ случаѣ не совсѣмъ вѣрно. Неизмѣнная въ своей сущности, внѣшняя природа постоянно измѣняется въ сознаніи человѣка. Дерево, цвѣтокъ, радуга выговариваются въ душѣ человѣческой путемъ продолжительной внутренней работы духа. Человѣкъ прежде всего человѣкъ, выговариваетъ ли онъ слово нравственнаго міра или міра физическаго. Въ обоихъ случаяхъ слово это измѣнчиво. Природа тогда только выскажется вполнѣ, когда наступитъ на землѣ царство Божіе, другими словами, когда человѣчество достигнетъ полнаго и всесторонняго духовнаго развитія. „Дерево было деревомъ для всякаго отъ начала вѣковъ“. Весьма трудно сказать, чѣмъ было дерево для человѣка въ началѣ вѣковъ. Несомнѣнно только, что въ глубокой древности дерево представлялось человѣку не совокупностью нѣсколькихъ веществъ, развивающихся по непреложнымъ законамъ и химически разложимыхъ, но страшнымъ духовнымъ существомъ, которому ничего не стоитъ явиться передъ изумленными глазами человѣка въ видѣ многорукаго гиганта или существомъ слабымъ, тихимъ, которое способно говорить и плакать. Дерево сначала выговаривалось въ душѣ человѣка, какъ самостоятельное духовное существо, способное мыслить и чувствовать; потомъ оно стало выговариваться нѣсколько иначе; человѣкъ отнялъ у него право на самостоятельность. Дубъ, сосна потеряли значеніе духовныхъ индивидуумовъ и подчинились одному родовому духовному существу, дубовому, сосновому, которое путемъ естественнаго упрощенія, перешло въ лѣшаго, единственнаго властителя лѣсовъ. Н. С.

„Послѣдній квартетъ Бетховена" написанъ Одоевскимъ съ цѣлью представить тѣ терзанія, которыя долженъ испытывать талантъ отъ невозможности выразиться. „Никогда я не могъ выразить души своей, говоритъ Бетховенъ; никогда того, что представляло мнѣ воображеніе, я не могъ передать бумагѣ: напишу ли? играютъ? не то!.. не только не то, что я чувствовалъ, даже не то, что я написалъ" [1].

Каждый человѣкъ, говоритъ Одоевскій, обращаясь къ опредѣленію науки, долженъ образовать свою науку изъ существа своего индивидуальнаго духа. Слѣдственно, изученіе не должно состоять въ логическомъ построеніи тѣхъ или другихъ знаній (это роскошь, пособіе для памяти — не болѣе, если еще пособіе); оно должно состоять въ постоянномъ интегрированіи духа, въ возвышеніи его, другими словами, въ увеличеніи его самобытной дѣятельности [2]. Послѣ такого опредѣленія науки становятся понятны многочисленныя нападенія Одоевскаго на односторонность научнаго движенія въ XIX в. Разобщенность и раздробленность онъ признавалъ главнѣйшими недостатками западной науки. По его словамъ, „скоро изученіе незамѣтнаго насѣкомаго завладѣетъ названіемъ науки" [3]. Отъ дробленія науки происходитъ безсиліе человѣка надъ природой. Въ доказательство этой мысли Одоевскій предлагаетъ читателямъ на разрѣшеніе рядъ вопросовъ замѣчательныхъ для характеристики Одоевскаго, какъ многосторонняго ученаго. Напримѣръ: Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, химическій составъ тѣхъ или другихъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, какое можетъ имѣть вліяніе на организмъ человѣка и слѣдственно на одинъ изъ источниковъ общественнаго богатства?—Извините, это не моей части: я занимаюсь лишь финансовою наукою. Скажите, нельзя ли объяснить нѣкоторыя историческія происшествія вліяніемъ химическаго состава веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ?—Извините, я не могу развлекаться изученіемъ исторіи—я химикъ. Скажите, дѣйствительно ли изящныя искусства и въ особенности музыка имѣютъ такое сильное вліяніе на смягченіе нравовъ и какой именно родъ музыки?—Помилуйте, вѣдь

---

[1] Одоевскій, Соч. I. 163.
[2] В. Одоевскій, Соч. 1844, т. 1, стр. 287.
[3] Тамъ же, т. 1, стр. 309.

музыка такъ, забава, игрушка,—когда мнѣ ею заниматься?—я юристъ. —Не можете ли мнѣ объяснить значеніе обрядовъ, которые наблюдались въ древности жрецами Цибелы или земли?—Извините, филологія до меня не касается—я агрономъ [1]). Кромѣ односторонности и разрозненности, Одоевскій указываетъ еще на одинъ, по его мнѣнію, существенный недостатокъ современнаго научнаго движенія, именно, на преобладаніе въ научныхъ изслѣдованіяхъ опыта, „не согрѣтаго вѣрою въ провидѣніе и въ совершенствованіе человѣка“ [2]). Въ „Послѣднемъ Самоубійствѣ“ онъ представилъ, до какой нелѣпости можетъ дойти въ практическомъ примѣненіи философская теорія, построенная путемъ чисто логическимъ[3]). Сочиненіе это есть не что иное, какъ своеобразное развитіе одной главы Мальтуса, именно той, въ которой Мальтусъ поставилъ вопросъ о соотвѣтствіи средствъ съ потребностями. Извѣстно, что Мальтусъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для цивилизаціи. Одоевскій возмущался теоріею Мальтуса и называлъ ее „послѣднею нелѣпостью въ человѣчествѣ“ [4]).

Въ основаніи всѣхъ разсужденій Одоевскаго въ „Рус. Ноч.“ о наукѣ лежатъ тѣ же идеи, которыя имъ высказаны въ 1824 г. въ „Афоризмахъ“. И тамъ, и здѣсь Одоевскій требуетъ, чтобы въ научныхъ занятіяхъ соблюдалось присутствіе высшей, обобщающей, философской идеи. И тамъ, и здѣсь онъ одинаково признаетъ тѣсную связь наукъ между собою. Въ обоихъ случаяхъ онъ руководился идеями германской философіи, преимущественно философіи Шеллинга.

Одоевскій всю свою жизнь стоялъ за просвѣщеніе, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, у русскихъ или у иностранцевъ. „Невѣжество не спасенье“, говаривалъ онъ. У людей необразованныхъ тѣ же страсти, что и у образованныхъ, „то же честолюбіе, то же тщеславіе, та же зависть, то же корыстолюбіе, та же злоба, та же лесть, та же низость, только съ тою разницею, что всѣ эти страсти здѣсь сильнѣе, откровеннѣе, подлѣе, а между тѣмъ предме-

[1]) В. Одоевскій. Соч. 1844, т. 1, стр. 347—352.
[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 100.
[3]) В. Одоевскій, Соч. 1844, т. 1, стр. 100—112.
[4]) Тамъ же, т. 1, стр. 28.

ты мельче. Скажу болѣе: человѣка образованнаго развлекаетъ самая его образованность, и душа его по крайней мѣрѣ не каждую минуту своего существованія находится въ полномъ униженіи: музыка, картина, выдумка роскоши—все это отнимаетъ у него время на низости... Я понялъ.... отчего безнравственность такъ тѣсно соединена съ невѣжествомъ" [1]). Для характеристики благородной личности кн. Одоевскаго, прошедшаго много жизненыхъ испытаній и видѣвшаго на своемъ вѣку бездну порочныхъ людей, весьма важно его убѣжденіе, что безнравственность происходитъ отъ невѣжества и что само несчастье въ значительной степени зависитъ отъ него. Иисарскій въ своихъ воспоминаніяхъ объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ говоритъ, что членамъ Общества случалось сталкиваться съ такою грязью и развратомъ, что приходилось невольно усомниться въ доброкачественности человѣческой природы и спросить, не происходитъ ли болѣе невѣжество отъ безнравственности, нежели безнравственость отъ невѣжества. [2]) Свѣтлый умъ Одоевскаго удержалъ при всѣхъ обстоятельствахъ лучшее понятіе о людяхъ.

Въ обширной области наукъ Одоевскій первое мѣсто отводилъ философіи. „Въ храмѣ философіи, говоритъ онъ, какъ въ высшемъ судилищѣ опредѣляются тѣ задачи, которыя въ данную эпоху разрабатываются въ низшихъ слояхъ человѣческой дѣятельности". Съ теченіемъ времени міросозерцаніе Одоевскаго становилось все болѣе яснымъ. Выступивъ врагомъ опытной философіи Бэкона, сторонникомъ ученія о самопознающемъ духѣ и врожденныхъ идеяхъ, Одоевскій въ концѣ своей жизни, въ 60-хъ годахъ, пришелъ къ тому заключенію, что „законъ природы..... выражаетъ только окончательный выводъ опытовъ, произведенныхъ до извѣстнаго времени. Аксіома $2 \times 2 = 4$ есть не что иное, какъ сокращенная формула опытнаго наблюденія надъ тѣмъ, какъ образуется число четыре. Въ насъ нѣтъ идей самобытныхъ. То, что мы называемъ идеей, есть выводъ изъ понятій, кои въ свою очередь суть выводъ изъ разныхъ ощущеній. Напримѣръ, порокъ не есть нѣчто самобытное, какъ и болѣзнь, но повтореніе преступленій или проступковъ, происходящее отъ ненормальнаго состоянія духовнаго или тѣлеснаго организма. Окончательный поворотъ Одо-

[1]) В. Одоевскій, Соч. 1844, т. II, стр. 110.
[2]) Русск. Арх. 1869, стр. 1021.

евскаго на сторону полнаго признанія опыта, какъ все рѣшающаго элемента въ сферѣ знанія, выразился въ слѣдующихъ его словахъ: „Абсолютная истина можетъ находиться лишь въ опытномъ наблюденіи, или, если угодно, въ формулѣ, которою это наблюденіе выражается“ [1]). Спиритизмъ не нашелъ въ старикѣ Одоевскомъ сторонника. Одоевскій думалъ, что нѣтъ ни одного спиритическаго явленія, которое нельзя было бы объяснить извѣстными естественными законами, изложенными въ любомъ учебникѣ физики или физіологіи [2]).

Одоевскій былъ не лестнаго мнѣнія объ исторіи. По его словамъ, наука эта не знаетъ, къ чему идетъ и чѣмъ можетъ быть. Она накладываетъ камень на камень, не зная, какое выйдетъ зданіе, сводъ или пирамида, или просто развалина, да еще и выйдетъ ли что нибудь [3]). „Нѣтъ нелѣпости, которой бы нельзя подкрѣпить указаніями на нелицемѣрныя скрижали исторіи и чѣмъ онѣ нелицемѣрнѣе, тѣмъ удобнѣе гнутся подъ всякіе выводы. Отчего это странное, безобразное явленіе?—все отъ одной причины: оттого, что историки, какъ метеорологи, думали возможнымъ останавливаться на второстепенныхъ причинахъ, — думали, что рядъ фактовъ можетъ ихъ привести къ какой нибудь общей формулѣ!...“ [4]) „Вы знаете также, что въ нашемъ вѣкѣ аналитическая метода въ большомъ ходу; я не понимаю, какъ никто до сихъ поръ не догадался приложить къ исторіи того же способа изслѣдованій, какой, напримѣръ, употребляютъ химики при разложеніи органическихъ тѣлъ; сначала доходятъ они до ближайшихъ началъ тѣла, каковы, напр., кислоты, соли и др., наконецъ, до самыхъ отдаленныхъ его стихій, каковы, напр., четыре основныхъ газа; первыя различны въ каждомъ органическомъ тѣлѣ; вторыя—равно принадлежатъ всѣмъ органическимъ тѣламъ. Для этого рода историческихъ изслѣдованій можно было бы образовать прекрасную науку съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ, напр., „Аналитической Этнографіи“. Эта наука была бы въ отношеніи къ исторіи тѣмъ же, что химическое разложеніе и химическое сое-

---

[1]) Рус. Арх. 1874. II. 322—327.
[2]) Рус. Арх. 1874, к. 2, стр. 293.
[3]) В. Одоевскій, Соч. 1844, т. 1, стр. 357.
[4]) В. Одоевскій, Соч. 1844, т. 1, стр. 359.

диненіе въ отношеніи къ простому механическому раздробленію и механическому смѣшенію тѣлъ, а вы знаете, какое различіе между ними: — вы раздробили камень; каждая частица камня остается камнемъ и ничего новаго вамъ не открываетъ; наоборотъ, вы можете собрать всѣ эти частицы вмѣстѣ и будетъ лишь собраніе частицъ камня—не болѣе; напротивъ, вы разложили тѣло химически и находите, что оно состоитъ изъ элементовъ, которыхъ бы вовсе нельзя было предполагать по наружному виду тѣла; вы соединяете эти элементы химически и получаете снова разложенное тѣло, по наружному виду непохожее на свои элементы... Почему знать! можетъ быть историки посредствомъ аналитической этнографіи дойдутъ до нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же результатовъ, до которыхъ дошли химики въ физическомъ мірѣ; откроютъ взаимное сродство нѣкоторыхъ элементовъ, взаимное противодѣйствіе другихъ, способъ уничтожать или мирить сіе противодѣйствіе; откроютъ ненарокомъ тотъ чудный химическій законъ, по которому элементы тѣлъ соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и въ прогрессіи простыхъ чиселъ, какъ одинъ и одинъ, одинъ и два и т. д., можетъ быть, наткнутся на то, что химики въ отчаяніи назвали каталитическою силою, т. е. превращеніе одного тѣла въ другое посредствомъ присутствія третьяго, безъ явнаго химическаго соединенія,... даже приблизятся, можетъ быть, и къ основнымъ элементамъ. Конечно, идеальною цѣлью аналитической этнографіи было бы возстановить исторію, т. е., открывъ анализисомъ основные элементы народа, по симъ элементамъ систематически построить его исторію; тогда, можетъ быть, исторія получила бы нѣкоторую достовѣрность, нѣкоторое значеніе, имѣла бы право на названіе науки, тогда какъ до сихъ поръ она только весьма скучный романъ, исполненный жалкихъ и неожиданныхъ катастрофъ, остающихся безъ всякой развязки, и гдѣ авторъ безпрестанно забываетъ о своемъ героѣ, извѣстномъ подъ названіемъ человѣка" [1]).

Не смотря на враждебное отношеніе къ матеріализму и экспериментализму, Одоевскій и въ 40-хъ годахъ занимался усердно естественными науками. Онъ предсказалъ дарвиновскую теорію развитія органической жизни. Въ „Послѣднемъ Самоубійствѣ"

---

[1]) В. Одоевскій, Соч. 1844, т. 1, стр. 370—372.

читаемъ: „вскорѣ между толпами явились люди, — они, казалось, съ давняго времени вели счетъ страданіямъ человѣка — и въ итогѣ выводили все его существованіе. Обширнымъ адскимъ взглядомъ они обхватывали минувшее и преслѣдовали жизнь съ самаго ея зарожденія. Они вспоминали, какъ она, подобно татю, закралась сперва въ темную земляную глыбу и тамъ, посреди гранита и гнейса, мало по малу, истребляя одно вещество за другимъ, развела новыя произведенія, болѣе совершенныя, потомъ, на смерти одного растенія она основала тысячи другихъ; и истребленіемъ растеній она размножила животныхъ; а какимъ коварствомъ она приковала къ страданіямъ одного рода существъ наслажденія, самое бытіе другаго рода. Они вспоминали, какъ, наконецъ, чистолюбивая, распространяя ежечасно свое владычество,—она все болѣе и болѣе умножала раздражительность чувствованія, и безпрестанно въ каждомъ новомъ существѣ, прибавляя къ новому совершенству новый способъ страданія, достигла наконецъ до человѣка, въ душѣ его развернулась со всею своею безумною дѣятельностью и счастье всѣхъ людей возстановила противъ счастья каждаго человѣка“ [1]). Воззрѣнія Одоевскаго на міроустройство не чуждо поэтическаго мистицизма. „Во всѣхъ организмахъ, говоритъ онъ, есть какой-то таинственный будильникъ, который напоминаетъ имъ о необходимости питать свои элементы; оттого растеніе тянется цвѣткомъ къ солнцу, корнями жадно ищетъ земляной влаги“. Животное, посредствомъ голода узнаетъ о необходимости усвоить себѣ нѣкоторое количество азота... [2]).

Въ концѣ „Русскихъ Ночей“, въ „Эпилогѣ“ высказаны славянофильскія мнѣнія о гніеніи Запада, объ особенной исторической миссіи русскаго народа, мнѣнія, вызвавшія строгую критику Бѣлинскаго [3]).

Въ началѣ Эпилога Одоевскій говоритъ, что скептицизмъ въ западной Европѣ убилъ вѣру, науки и искусства. Позднѣе, въ 50-хъ годахъ, Одоевскій перемѣнилъ свое мнѣніе о значеніи отрицанія въ исторіи цивилизаціи. Онъ призналъ, что отрицаніе голослов-

[1]) В. Одоевскій, Сочин. 1844. т. 1. с. 105.
[2]) Тамъ же. т. 1. с. 378.
[3]) Бѣлинскій, Соч. IX. 55—61.

наго авторитета или авторитета недостаточно выясненныхъ фактовъ есть дѣло великое, къ которому способны лишь геніи, и есть первое условіе успѣховъ науки [1]). „Отличительный характеръ нашего времени, говоритъ Одоевскій въ „Эпилогѣ“, не есть собственно скептицизмъ, а желаніе выйти изъ скептицизма, чему-либо вѣрить, чего-либо надѣяться, желаніе ничѣмъ неудовлетворяемое и потому мучительное до невыразимости. Куда ни обращаетъ свой взоръ другъ человѣчества, вездѣ онъ видитъ разрушеніе; все опровергнуто, все поругано, все осмѣяно; нѣтъ жизни въ наукѣ, нѣтъ святыни въ искусствѣ; нѣтъ мнѣнія, котораго противное не было подтверждено всѣми доказательствами, возможными для человѣка. Такая несчастная эпоха противорѣчія оканчивается тѣмъ, что называется синкретизмомъ, т. е. соединеніемъ въ безобразную систему, вопреки уму, всѣхъ самыхъ противорѣчащихъ мнѣній“ [2]).

Кромѣ синкретизма, отличительнымъ характеромъ западнаго общества Одоевскій считаетъ самую страшную всеразъѣдающую ложь. Ложь охватываетъ западнаго человѣка съ перваго дня рожденія и сопутствуетъ ему на всемъ его жизненномъ пути. Люди убиваютъ другъ друга и увѣряютъ при этомъ въ своемъ искреннемъ почтеніи и преданности, толкуютъ о желаніи народа, а имѣютъ въ виду желаніе нѣсколькихъ спекуляторовъ, вѣнчаются и нарочно опускаютъ при совершеніи обряда то, безъ чего бракъ, при случаѣ, можетъ почесться небывалымъ, проповѣдуютъ съ кафедры истины, сами не зная, въ чемъ онѣ состоятъ, провозглашаютъ любовь къ человѣчеству и продаютъ женъ и дѣтей и т. д. [3]) Науки, вмѣсто того, чтобы стремиться къ тому единству, которое одно можетъ возвратить имъ ихъ мощную силу, науки раздробились въ пухъ летучій, общая связь ихъ потерялась, нѣтъ въ нихъ органической жизни; старый Западъ, какъ младенецъ, видитъ однѣ части, одни признаки—общее для него непостижимо и невозможно... Искусство уже не переносится въ тотъ чудный міръ, въ которомъ, бывало, отдыхалъ человѣкъ отъ грусти здѣшняго міра... Религіозное чувство на Западѣ? — оно было бы давно уже забы-

[1]) Рус. Арх. 1874. II. 334.
[2]) Одоевскій, Соч. I. 308.
[3]) Одоевскій, Сочиненія. 1844. т. I. стр. 319—323.

то, еслибъ его внѣшній языкъ еще не остался для украшенія, какъ политическая архитектура, или іероглифы на мебеляхъ, или для корыстныхъ видовъ людей [1]). Литература Запада свидѣтельствуетъ только неодолимую тоску, отсутствіе всякаго вѣрованія, отрицаніе безъ всякаго утвержденія. Промышленность Запада опирается на нищетѣ и преступленіи [2]).

Одоевскій находитъ необходимымъ привести западно-европейское просвѣщеніе въ настоящую оцѣнку, чтобы удобно было опредѣлить, что должно изъ него заимствовать. „Мы поставлены на рубежѣ двухъ міровъ, прошедшаго и будущаго, мы новы и свѣжи; мы непричастны преступленіямъ старой Европы... Все должны оживить мы,—вписать нашъ духъ въ исторію ума человѣческаго, какъ имя наше вписано на скрижаляхъ побѣды". Одоевскій убѣждаетъ западные народы смотрѣть на русскій народъ безъ страха. Западъ найдетъ въ Россіи частью свои собственныя силы, сохраненныя и умноженныя, частью силы собственно русскія, славянскія, Западу неизвѣстныя.

Силы эти, по опредѣленію Одоевскаго, заключаются въ слѣдующемъ: 1) чувство силы, выразившееся въ обрусѣніи инородцевъ; 2) всеобъемлющая многосторонность духа, нашедшая прекрасное выраженіе въ Ломоносовѣ и постоянно высказывающаяся въ удивительной воспріимчивости русскаго народа; 3) чувство любви и единства; 4) чувство благоговѣнія и вѣры, 5) существованіе вѣры въ счастье не одного большинства, но всѣхъ и каждаго; 6) въ присутствіи въ простомъ народѣ чувства общественнаго единенія; 7) въ томъ, что народъ началъ свою литературную жизнь сатирою (?), т. е. строгимъ судомъ надъ самымъ собою; 8) въ естественномъ пониманіи музыкальной гармоніи помимо тоническаго изученія.

Одоевскій въ 40-хъ годахъ не былъ послѣдовательнымъ славянофиломъ, да и самое славянофильство въ это время было въ зародышѣ. Славянофильскій „Московскій Сборникъ" вышелъ въ 1845 г., да и тутъ славянофильство не вполнѣ выразилось. Коранъ славянофильства, извѣстное письмо И. В. Кирѣевскаго къ графу Комаровскому о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ

---

[1]) Тамъ же. т. I. стр. 309—310.
[2]) тамъ же. т. I. стр. 325.

просвѣщенію въ Россіи было написано въ 1852 г. До этого времени лишь Хомяковъ высказывался достаточно опредѣленно, но высказывался въ небольшихъ статьяхъ.

Въ сочиненіяхъ Одоевскаго 40-хъ годовъ находятся два существенныхъ противорѣчія развившемуся позднѣе славянофильству. Вопервыхъ, Одоевскій высоко ставилъ преобразовательную дѣятельность Петра Великаго и вполнѣ одобрялъ ее. Вовторыхъ, онъ умалчивалъ о православіи, какъ національной особенности русскаго народа, и не видѣлъ въ вѣроисповѣданіи необходимаго условія исключительнаго развитія.

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ Одоевскій совершенно оставилъ свои славянофильскія мнѣнія. Онъ преклонился передъ богатой европейской наукой, сдѣлался поклонникомъ Запада, всецѣло перешелъ въ лагерь западниковъ. Въ „Набросахъ и отрывкахъ", написанныхъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ тиши кабинета, высказано, между прочимъ слѣдующее мнѣніе: „Народность есть слово довольно безтолковое по своей неопредѣленности и гораздо точнѣе и скромнѣе замѣняется словомъ" народныйобычай, т. е. сопряженіе разныхъ физіологическихъ, климатическихъ и другихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ при недостаточномъ умственномъ развитіи вліяніе на распространеніе разныхъ народныхъ повѣрій, частью всегда разумныхъ, частью разумныхъ вчера, частью безсмысленныхъ съ самаго зарожденія. Что всѣ эти обстоятельства, при одинаковой обстановкѣ дѣйствуя на поколѣніе за поколѣніемъ получаютъ нѣкоторую осѣдлость — въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но есть ли въ томъ путь — вопросъ другой... „Просвѣщеніемъ, говоритъ Одоевскій въ другомъ мѣстѣ „Набросокъ", выработывается достоинство человѣческое вообще; полупросвѣщеніе лишь національность, т. е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ" [1]). Въ „Наброскахъ" Одоевскій съ насмѣшкой говоритъ о славянофилахъ. „А что толкуютъ славянофилы о какомъ то допотопномъ славяно-татарскомъ просвѣщеніи, то оно пусть при нихъ и остается, пока они не покажутъ намъ русской науки, русской живописи, русской архитектуры въ до-петровское время; а какъ по ихъ мнѣнію вся эта допотопная сушь сохранилась лишь у крестьянъ, то мы можемъ легко увидѣть сущность этого допотопнаго

[1]) Рус. Арх. 1874. II. 279—281; VII. 42.

просвѣщенія въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестьянинъ царапаетъ землю, на его едва взбороненной нивѣ, въ его посѣвахъ кустами, въ неумѣніи содержать рогатый скотъ, на который, изволите видѣть, ни съ того, ни съ сего находитъ чума, такъ съ потолка, а не отъ дурнаго ухода, въ его курной избѣ, въ его потасовкѣ женѣ и дѣтямъ, въ особой привязанности свекровъ къ молодымъ невѣсткамъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и, наконецъ, въ безграмотности. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „А наши умники, кто вовсе считаетъ и грамоту дѣломъ безполезнымъ, кто хочетъ держать нашихъ умныхъ, но вполнѣ невѣжественныхъ поселянъ на Часовникѣ! Какой нехристь будетъ отвергать и религіозную и нравственную пользу Часослова и Псалтыри? Но какой неучъ будетъ считать ихъ достаточными для геологическихъ, минералогическихъ, ботаническихъ, вообще для физическихъ свѣдѣній, къ уразумленію промышленныхъ выгодъ, вообще, предметовъ отъ коихъ... зависитъ благосостояніе, даже безопасность страны“ [1]).

Во второй и третьей частяхъ собранія сочиненій Одоевскаго находятся его собственно литературныя статьи, числомъ 25, „Къ сожалѣнію, повѣсти не по моей части, писалъ Одоевскій граф. Растопчиной. Большая часть повѣстей Одоевскаго написаны въ духѣ крайняго романтизма, туманны, фантастичны и скучны. Изъ бытовыхъ разсказовъ Одоевскаго интересны: 1) „Исторія о петухѣ, кошкѣ и лягушкѣ“ (III. 141—161), представляющая живую картинку старой городской жизни, картинку въ чисто гоголевскомъ духѣ: 2) „Княжна Мими“ (II. 287—355) довольно интересный образъ озлобленной старой дѣвы: 3) „Черная перчатка“ (II. 17—59), гдѣ изображены недостатки воспитанія молодежи: 4) „Необойденный домъ“—любопытная передѣлка народнаго преданія о человѣкѣ, засыпающемъ на многіе годы и потомъ просыпающемся (у Пушкина въ прелестномъ стихотвореніи „И путникъ усталый на Бога роптал“).

Сочиненія кн. Одоевскаго оказали вліяніе на современниковъ. Бѣлинскій говоритъ, что избранная молодежь съ восторгомъ читала нѣкоторые разсказы Одоевскаго и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о

[1]) Рус. Архивъ. 1874. II. 286, 296.

таинствахъ своего ученія[1]). Г. Скабичевскій въ первыхъ произведеніяхъ Герцена усматриваетъ вліяніе Одоевскаго[2]). Нельзя не обратить вниманіе на значительное сходство „Записокъ доктора Крупова“ съ тѣмъ, что говорится въ „Рус. Ночахъ“ Одоевскаго на 35—37 страницахъ (здѣсь высказывается мнѣніе, что между здравой и безумной мыслью нельзя провести вѣрной, опредѣленной черты). Вліяніе Одоевскаго на славянофиловъ также не подлежитъ сомнѣнію. Онъ многое высказалъ впервые изъ того, что впослѣдствіи подробно и обстоятельно развивали И. Кирѣевскій, Хомяковъ и К. Аксаковъ.

О томъ, какъ современники Одоевскаго отнеслись къ „Собранію“ его сочиненій, какъ поняли ихъ и оцѣнили, отвѣтъ долженъ дать разборъ критикъ. Во всѣхъ крупныхъ журналахъ и газетахъ появились отзывы о сочиненіяхъ Одоевскаго, именно: въ „Отеч. Зап.“, 1844, „Современникѣ“ 1844, т. 36 стр. 233—235; Литерат. Газетѣ 1844, № 36; Финскомъ Вѣстникѣ 1845, I. 35—51; Маякѣ 1844. XVII. 7—29, и Библ. для Чтенія 1844, т. 66, стр. 1—9. Наиболѣе дѣльный и основательный отзывъ сдѣланъ Бѣлинскимъ въ „Отеч. Зап.“. „Нѣкоторыя изъ произведеній кн. Одоевскаго, говоритъ Бѣлинскій, можно находить менѣе другихъ удачными; но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя не признать замѣчательнаго таланта, самобытнаго взгляда на вещи, оригинальнаго слога. Что же касается до его лучшихъ произведеній, они обнаруживаютъ въ немъ не только писателя съ большимъ талантомъ, но и человѣка съ глубокимъ, страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ, съ горячимъ и задушевнымъ убѣжденіемъ, человѣка, котораго волнуютъ вопросы времени и котораго вся жизнь принадлежитъ мысли“. Въ „Современникѣ“ было замѣчено, что сочиненія Одоевскаго заслуживаютъ всеобщаго вниманія, даже изученія, что душа автора растворена любовью къ общему благу, къ просвѣщенію и нравственности. „Литерат. Газета“ нашла, что сочиненія Одоевскаго проникнуты живою и умною мыслью, согрѣты чувствомъ, блещутъ умомъ, талантомъ и образованностью. „Финскій Вѣстникъ“ призналъ сочиненія Одоевскаго капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для искусства, по прелести языка и вѣрно-

[1]) Бѣлинскій, Соч. IX. 46.
[2]) Отечеств. Зап. 1870, т. 193. 16.

сти въ изображенiи страстей. Похвалилъ кн. Одоевскаго и „Маякъ“, этотъ жалкiй журнальный обскурантъ стараго времени. Одинъ Сенковскiй разбранилъ Одоевскаго въ „Библ. д. Чт.“, назвалъ его человѣкомъ, помѣшаннымъ на дюжинѣ пошлостей, пустымъ говоруномъ.

Издавъ въ свѣтъ Собранiе сочиненiй Одоевскiй почти совсѣмъ прекратилъ литературную дѣятельность. Во второй половинѣ 40-хъ и въ пятидесятыхъ годахъ онъ почти ничего не писалъ. Въ это время (1846—1861) онъ состоялъ помощникомъ директора Публичной библiотеки барона М. А. Корфа и, кромѣ того, завѣдывалъ Румянцовскимъ музеемъ. Но не служебныя занятiя отвлекли Одоевскаго отъ литературной дѣятельности. Онъ предался всецѣло дѣятельности филантропической. Одоевскому принадлежитъ первая мысль объ основанiи дѣтскихъ прiютовъ. Ему же принадлежитъ и редакцiя устава этихъ учрежденiй [1]). Въ 1844 году его заботами была основана въ Петербургѣ Елисаветинская больница для малолѣтнихъ дѣтей [2]). Самое блестящее развитiе филантропической дѣятельности кн. Одоевскаго падаетъ между 1846 — 1855 годами, когда онъ состоялъ предсѣдателемъ Общества посѣщенiя бѣдныхъ. Въ это время имя кн. Одоевскаго сдѣлалось популярнымъ среди бѣднаго населенiя столицы.

Общество посѣщенiя бѣдныхъ возникло въ 1846 г. Оно имѣло цѣлью удостовѣриться въ настоящемъ положенiи жителей Петербурга, обращающихся съ просьбою о пособiи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ, и организовать правильную помощь дѣйствительно нуждающимся.

Помощь, по уставу Общества, оказывалась въ слѣдующемъ видѣ:

1) престарѣлыхъ, увѣчныхъ больныхъ, сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей помѣщали въ учрежденныя Обществомъ благотворительныя заведенiя или хлопотали о помѣщенiи ихъ въ постороннiя благотворительныя учрежденiя и на счетъ частныхъ лицъ, и 2) прочимъ неимущимъ доставляли вспомоществованiе деньгами, одеждою, дровами и т. п. Больнымъ оказывалось врачебное пособiе въ ихъ жилищахъ чрезъ медиковъ Общества съ безденежнымъ отпускомъ лѣкарствъ.

[1]) Московск. Вѣдомости 1869. № 50.
[2]) Народная Школа 1869. № 5.

Члены Общества раздѣлялись на а) членовъ благотворителей, б) членовъ посѣтителей и b) членовъ распорядителей.

Члены-благотворители вносили въ пользу Общества ежегодно извѣстную плату или содѣйствовали ему безмездно и постоянно своими трудами.

Члены-посѣтители обязаны были хотя одинъ разъ въ мѣсяцъ посѣщать, по назначенію Распорядительнаго Собранія, бѣдныхъ столицы. Члены-распорядители составляли Распорядительное Собраніе, и одинъ изъ нихъ назначался предсѣдателемъ. При самомъ учрежденіи Общества, кн. Одоевскій единогласно избранъ былъ предсѣдателемъ.

Почетнымъ попечителемъ Общества сначала состоялъ герцогъ Лейхтенбергскій, а послѣ его смерти въ 1852 г. В. кн. Константинъ Николаевичъ. Собранія Общества, особенно въ первое время его существованія, были многочисленны и блестящи. Все, что было замѣчательнаго и умнаго въ Петербургѣ, принадлежало Обществу. Почти весь аристократическій міръ стоялъ въ его спискахъ; не было ни одного литератора или журналиста, который не былъ бы членомъ Общества; его поддерживали финансовыя знаменитости; лучшіе доктора предлагали ему свои услуги. Огромный списокъ членовъ Общества украшался именами Императорской фамиліи, и первымъ между ними стоялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Николаевичъ. Распорядительное Собраніе прибѣгало къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ, чтобы привести средства Общества въ блестящее положеніе. Устраивались балы, концерты, спектакли, картинныя выставки, безпроигрышныя лоттереи. Въ бойкихъ мѣстахъ выставлялись кружки. Неудивительно, что дѣла Общества шли великолѣпно. На его попеченіи состояло 15 тысячъ бѣдныхъ семействъ столицы. Было учреждено три рукодѣльныхъ, дѣтскій ночлегъ и при немъ школа, кузнецовское женское училище, общая квартира одинокихъ престарѣлыхъ женщинъ, семейная квартира, лѣчебница для приходящихъ и магазинъ [1], гдѣ по дешевымъ цѣнамъ продавались бѣднымъ предметы первой житейской необходимости.

Блестящая дѣятельность Общества посѣщенія бѣдныхъ продолжалось не долго. Она возбудила неудовольствіе въ правитель-

[1]) Русскій Архивъ. 1869. Изд. 2-е. Стр. 1066 и слѣд.

ственныхъ сферахъ. Сначала запрещенно было участвовать въ Обществѣ военнымъ, отчего Общество потеряло многихъ полезныхъ дѣятелей. Въ 1848 г. Общество посѣщенія бѣдныхъ было присоединено къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу, попечителемъ котораго состоялъ петербургскій митрополитъ, а помощникомъ попечителя извѣстный Абр. Серг. Норовъ. Въ 1855 г. Общество посѣщенія бѣдныхъ совсѣмъ закрылось.

Общество посѣщенія бѣдныхъ лучшими сторонами своей дѣятельности обязано кн. Одоевскому. Самый уставъ общества былъ имъ составленъ [1]). „Кн. Одоевскій, говоритъ Инсарскій, приносилъ часто толстыя тетради, которыя ему рѣдко удавалось прочитать отъ начала до конца. Начинались возраженія, и все на него обрушивалось. Сдержать подобнаго напора онъ рѣшительно не былъ въ состояніи. Если онъ говорилъ и прекрасно, то никакъ не внушительно. Бурныя пренія кончались тѣмъ, что къ тремъ часамъ ночи князь клалъ свою недочитанную тетрадь въ портфель и, нисколько не злобствуя, привозилъ въ слѣдующее засѣданіе другую тетрадь, которую большею частью постигала та же участь. Кротость и доброта его умѣряли все, и мы любили и уважали его безконечно, хотя каждый изъ насъ грубилъ ему и нападалъ на его произведенія самымъ безцеремоннымъ образомъ. Я не могу безъ восторга говорить объ этой ангельской личности. Находясь долго въ самыхъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, я получилъ къ нему глубокое благоговѣніе, какъ къ безпримѣрному идеалу добра и чести.... Для кн. Одоевскаго Общество составляло семью, которой онъ предался всей душой, всѣми матеріальными и моральными силами. Одна чистая любовь къ добру и людямъ руководила отношеніями его къ Обществу, точно такъ же, какъ она была основаніемъ всѣхъ дѣйствій этого образцоваго христіанина и человѣка [2]). По словамъ Путяты, принимавшаго дѣятельное участіе въ дѣлахъ Общества, кн. Одоевскій предался Обществу отъ души и въ полномъ смыслѣ слова былъ его душою. Онъ посвятилъ ему все оставшееся отъ служебныхъ занятій время и всѣ средства, которыми могъ располагать при весьма ограниченномъ достаткѣ своемъ. Имъ держалась внутренняя связь

[1]) Рус. Арх. 1874. 2. 267.
[2]) Рус. Арх. 1869. Изд. 2-е Стр. 1006 и слѣд.

Общества; онъ соглашалъ мнѣнія и смягчалъ столкновенія [1]). По собственному признанію покойнаго князя, онъ принесъ Обществу посѣщенія бѣдныхъ въ теченія 9 лѣтъ въ жертву все, что могъ принести: трудъ и любовь. „Эти девять лѣтъ, говоритъ онъ, поглотили мою литературную дѣятельность всю безъ остатка" [2]).

Кн. Одоевскому принадлежала мысль объ основаніи лѣчебницы для приходящихъ. Въ 1848 г. онъ издалъ въ пользу Общества „Прошедшее въ настоящемъ" — небольшое извлеченіе изъ „Русскихъ Ночей", именно „Городъ безъ имени" и часть „Эпилога" (съ 308—314).

Когда было открыто гоненіе на Общество, для Одоевскаго наступило тяжелое время отстаивать любезное учрежденіе. Много страданія должна была вынести добрая натура князя въ непосильной борьбѣ съ врагами Общества. Каждое предпріятіе Одоевскаго въ пользу Общества встрѣчало тупое противодѣйствіе. Ему приходилось иногда хлопотать не о дозволеніи устроить концертъ или спектакль съ благотворительною цѣлью, а о дозволеніи просить на то дозволеніе у генералъ-губернатора. „Мы должны, писалъ Одоевскій Инсарскому, употреблять паровую машину, чтобы поднять соломенку" [3]).

Съ присоединеніемъ Общества пос. бѣд. къ Человѣколюбивому Общ. Одоевскій началъ сильную, хотя и безплодную борьбу съ канцеляріей послѣдняго. На бумаги Человѣкол. Общ., поступавшія въ Общество пос. бѣд., Одоевскій смотрѣлъ какъ на личное оскорбленіе и не отвѣчалъ на нихъ до послѣдней возможности. Какъ ни сильны были противники, Одоевскій не унывалъ и не оставлялъ мѣста предсѣдателя. По закрытіи Общества въ 1855 г., баронъ М. А. Корфъ, на отношеніе Велик. кн. Константина Николаевича, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе о дѣятельности кн. Одоевскаго въ покойномъ Обществѣ. „Зная близко не только служебную, но и домашнюю жизнь князя и цѣня вполнѣ его заслуги по содѣйствію мнѣ въ устроеніи Имп. Публ. Библіотеки и Румянцовскаго Музея, я съ симъ вмѣстѣ много лѣтъ былъ свидѣтелемъ того добросовѣстнаго и безкорыстнаго усердія, скажу даже, со-

---

[1]) Рус. Арх. 1874. 2. 265.
[2]) Рус. Арх. 1874. 2. 313.
[3]) Рус. Арх. 1869. Изд. 2. Стр. 1029.

вершеннаго самоотверженія, съ которыми онъ, не щадя силъ, трудился на пользу бѣдныхъ и неимущихъ въ Обществѣ имъ созданномъ и въ немъ одномъ находившемъ главные элементы своей жизни"[1]). Великій князь, согласно отзыву барона Корфа, представилъ Одоевскаго къ награжденію какимъ-нибудь особеннымъ знакомъ монаршаго благоволенія. Провѣдавъ объ этомъ, Одоевскій написалъ великому князю весьма замѣчательное письмо, въ которомъ отказывался отъ награды за свою дѣятельность въ Обществѣ пособія бѣднымъ. „Мнѣ, русскому человѣку, дорога всякая монаршая милость, и по моей дѣйствительной службѣ я не былъ ею оставленъ; но я всегда отклонялъ отъ себя всякую награду по благотворительнымъ учрежденіямъ; ибо въ моихъ глазахъ занятія сего рода въ сравненіи со службою не что иное, какъ всякое другое житейское занятіе; тамъ святой долгъ; здѣсь просто добрая воля и удовлетвореніе внутреннему влеченію. То, что я дѣлалъ, сдѣлалъ бы всякій другой при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя я былъ поставленъ"[2]).

Денежныя средства Одоевскаго были весьма ограничены. Въ Выборгской губерніи онъ имѣлъ небольшую мызу, Ронгасъ,—„кусочекъ камня посреди воды"[3]). Мыза не приносила дохода[4]) Одоевскій жилъ получаемымъ за службу жалованьемъ. Изъ того немногаго, что онъ получалъ, онъ весьма не малую часть удѣлялъ бѣднымъ[5]). „Самъ весьма скудный въ средствахъ, говоритъ Инсарскій, онъ положительно готовъ былъ отдать свою рубашку ближнему"[6]). Свидѣтельство это подтверждаютъ В. А. Соллогубъ[7]) и А. И. Кошелевъ[8]). Одоевскій ходатайствовалъ по дѣламъ Кольцова[9]) и Фета[10]), хлопоталъ о разрѣшеніи напечатать „Мертвыя

[1]) Рус. Арх. 1870. Изд. 2. Стр. 927—931.
[2]) Рус. Арх. 1870. Изд. 2. 927.
[3]) Рус. Арх. 1869, стр. 1030.
[4]) Современ. Извѣстія 1870. № 54.
[5]) Московск. Вѣд. 1869. № 50.
[6]) Рус. Арх. 1869. 1015.
[7]) Голосъ 1869. № 72.
[8]) Въ память о кн. В. Ѳ. Од. Зас. Общ. Любит. Рос. Слов. 1869 г. апр. 13.
[9]) Рус. Арх. 1864, 833—838.
[10]) Голосъ 1869. № 171.

души" Гоголя [1]), принималъ дѣятельное участіе въ постановкѣ на сцену „Жизнь за царя" М. И. Глинки[2]), покровительствовалъ извѣстному граверу Сѣрякову[3]), поддерживалъ г. Пятковскаго на первыхъ порахъ его служебной и литературной дѣятельности[4]).

Въ 1856 г. Одоевскій предпринялъ путешествіе заграницу. Онъ посѣтилъ Францію, Германію и Швейцарію; заграницей онъ изучалъ музыку. Въ Парижѣ Одоевскій познакомился съ Шеве и основательно усвоилъ его цифровую методу музыкальнаго обученія [5]). Въ 1857 г. онъ издалъ за-границей брошюру на французскомъ языкѣ, въ опроверженіе ложныхъ мнѣній иностранцевъ о Россіи. Въ 1858 г. онъ ѣздилъ въ Веймаръ депутатомъ отъ Публичной Библіотеки на юбилей Шиллера.

Путешествіе за-границу помогло Одоевскому отрѣшиться отъ прежняго славянофильства, раскрыло ему богатство европейской культуры, высокую степень западной гражданственности и должно было нѣсколько успокоить его послѣ тѣхъ безпокойствъ и непріятностей, которыя ему причинила дѣятельность въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ.

За годъ до переселенія Одоевскаго въ Москву, въ 1861 г. произошло великое событіе освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости. Въ бумагахъ князя сохранилось небольшое стихотвореніе, написанное имъ по поводу этого событія:

Тобой свершилося желанное вѣками;
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ.... молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда.[6])

Въ 1864 г. вышло „Довольно" Тургенева. „Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора, писалъ Тургеневъ. Пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать. Полно нѣжиться сладкой нѣгой неопредѣленныхъ, но плѣнительныхъ ощущеній; полно бѣжать за каждымъ новымъ образомъ красоты; полно ло-

[1]) Рус. Арх. 1864. 840, 841.
[2]) Рус. Арх. 1864. 840, 841.
[3]) Русская Старина 1875. XIV. 344.
[4]) Историч. Вѣстн. 1880. IV.
[5]) День. 1864. № 40.
[6]) Рус. Арх. 1871. 186.

*

вить каждое трепетаніе ея тонкихъ и сильныхъ крылъ. Все изведано, все перечувствовано много разъ.... Усталъ я. Что мнѣ въ томъ, что въ это самое мгновенье заря все шире, все ярче разливается по небу, словно раскаленная какою то все — побѣдною страстью? Что въ томъ, что въ двухъ шагахъ онъ меня, среди тишины, и нѣги, и блеска вечера, въ росистой глубинѣ неподвижнаго куста соловей вдругъ сказался такими волшебными звуками, точно до него на свѣтѣ не водилось соловьевъ, и онъ первый запѣлъ первую пѣснь о первой любви?—Все это было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ и какъ вспомнишь, что все это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность—словно по указу, по закону—даже досадно станетъ!.... Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба, и только на первыхъ порахъ мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самими собою—не чувствуемъ ея черствой руки. Пока можно обманываться и не стыдно лгать, можно жить и не стыдно надѣяться. Истина, неполная истина — о той и помину быть не можетъ; но даже та малость, которая намъ доступна—замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ руки, сводитъ насъ на нѣтъ. Тогда одно остается человѣку, чтобы не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія..., самопрезрѣнія: спокойно отвернуться онъ всего, сказать: довольно, искрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества"[1]).

Прочиталъ это грустное размышленіе Одоевскій, шестидесятилѣтній старикъ, и написалъ въ 1865 г. возраженіе на „Довольно", написалъ „Недовольно", полное юношеской вѣры въ истину и красоту[2]). Одоевскій возражаетъ по пунктамъ тургеневскаго „Довольно".

I.

„Въ минуту внезапной усталости художникъ вымолвилъ слово „Довольно!"—широкое и коварное слово. Какъ!—взялъ онъ у насъ родное русское слово, въ своихъ произведеніяхъ пріучалъ насъ

[1]) Тургеневъ, Сочиненія. VIII. 50—52.
[2]) Бесѣды Общ. Любит. Рос. Слов. 1865. I. 65—84.

читать самихъ себя, — и вдругъ ни съ того, ни съ сего, художникъ говоритъ: „будетъ съ васъ! довольно!“ нѣтъ; такъ легко съ нами онъ не раздѣлается! своей умною мыслью, своею изящною рѣчью онъ закабалилъ себя намъ;—намъ принадлежитъ каждая его мысль, каждое чувство, каждое слово; они наша собственность и мы не намѣрены уступить ее даромъ...

II.

Приходитъ на умъ и другое. Да выговорилась ли суть этого слова? Здѣсь не одна ли буквенная оболочка, подъ которой зародилось другое, новое слово? не впервые буквамъ обманывать людей вообще, а въ особенности художниковъ.... Человѣкъ роетъ землю, подумаешъ—могила; ничего не бывало! онъ просто садитъ дерево. Дерево отцвѣло, плодъ свалился, падаютъ пожелтѣвшіе листья — прощай дерево!.... ничего не бывало; плодъ осѣменилъ землю, листья прикрыли его,—да прорастетъ зародышъ!

III.

„Довольно“, потому что все извѣдано, потому что „все было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ: и соловей, и заря и солнце“.—Что, если бы какая чудодѣйная сила потѣшила художника и, въ угоду ему, ничто бы въ мірѣ не повторялось? соловей бы пропѣлъ въ послѣдній разъ, солнце не взошло бы заутра, кисть навсегда бы засохла на политрѣ, порвалась бы послѣдняя струна, замолкъ бы человѣческій голосъ, наука выговорила бы свое послѣднее слово?—что же затѣмъ? мракъ, холодъ, безконечное безмолвіе и ума и чувства.... о! тогда человѣкъ дѣйствительно получилъ бы право сказать: „довольно! т. е. дайте мнѣ опять тепла, свѣта, рѣчи, пѣнія соловья, шелеста листьевъ въ полумракѣ лѣса, дайте мнѣ страданіе, дайте просторъ моему духу, развяжите его дѣятельность, хотя бы въ ней была для меня отрава..... словомъ, возсоздайте неизмѣняемость законовъ природы! Пусть снова возникнутъ предо мною неразрѣшенные вопросы, сомнѣнія, пусть солнце будетъ ровно отражаться и въ безбрежномъ морѣ и въ каплѣ утренней росы, повисшей на былинкѣ.

IV.

Въ самомъ ли дѣлѣ мы когда нибудь старѣемся? Этотъ вопросъ подлежитъ еще большому сомнѣнію. То, что я думалъ, чувствовалъ, любилъ, выстрадалъ вчера, за 20, за 40 лѣтъ, — не состарѣлось, не прошло безслѣдно, не умерло, но лишь преобразилось: старая мысль, старое чувство отзывается въ новыхъ чувствахъ; на мое новое слово, какъ сквозь призму, ложится разноцвѣтный оттѣнокъ бывшаго.... Наконецъ: неужели художникъ запертъ въ художественной сферѣ? неужель та могучая творческая сила, что дана ему при рожденіи, не должна проникать и за предѣлы этой сферы? — „Я сегодня ужъ слишкомъ заработался", говорилъ Питтъ, — „дайте мнѣ другой портфель". Такія слова можетъ, даже обязанъ привести каждый свыше одаренный человѣкъ,—будь онъ художникъ, ученый, служака, промышленникъ. Даровитая организація—эластична: она не имѣетъ права вкопать свой талантъ въ землю: она должна пустить его въ куплю, гдѣ бы ни привелось —а работы на землѣ много, да и работа неотложная, многосторонняя; всѣхъ зоветъ она — и юнаго и стараго; на всѣхъ ее хватитъ, и все ей нужно, и часто именно то, чѣмъ Господь одаряетъ художника: безъ эстетической стихіи ничто не спорится: одной механикой и дѣльной мышеловки не состроишь.

V.

Правда, послѣ дня настаетъ ночь, послѣ борьбы усталость. Какъ мягка, какъ отрадна та метафизическая постель, которую мы стелемъ себѣ, собираясь на покой! какъ привольно протянуться въ ней, убаюкивая себя мечтами о тщетѣ человѣческой жизни, о томъ, что все скоротечно, что все должно когда нибудь кончиться: и силы ума, и дѣятельность любви, и чувство истины, —все, все—и біеніе сердца и наслажденіе искусствомъ, природою; что всему конецъ-могила. Не все ли равно, немного позже, немного раньше?— Эти минуты сторожитъ злѣйшій изъ враговъ человѣческихъ, хитрѣйшій изъ льстецовъ: духовная лѣнь, и злой духъ много напѣваетъ намъ такихъ пѣсенъ. Но къ счастью противъ злаго духа возстаетъ нашъ ангелъ хранитель: любовь! любовь всеобъемлющая, всечующая, всепрощающая, ищущая дѣланія, ищущая всезнанія, какъ подготовки къ своему дѣланію....

VI.

Прочь уныніе! прочь метафизическія пеленки! не одинъ я въ мірѣ, и не безотвѣтенъ я предъ моими собратіями — кто бы они ни были: другъ, товарищъ, любимая женщина, соплеменникъ, человѣкъ съ другаго полушарія.—То что я творю,—волею или неволею, пріемлется ими; не умираетъ сотворенное мною, но живетъ въ другихъ жизнью безконечною. Мысль, которую я посѣялъ сегодня, взойдетъ завтра, черезъ годъ, черезъ тысячу лѣтъ; я привелъ въ колебаніе одну струну, оно не исчезнетъ, но отзовется въ другихъ струнахъ гармоническимъ гласовнымъ отданіемъ. Моя жизнь связана съ жизнью моихъ прапрадѣдовъ; мое потомство связано съ моею жизнью. Неужели что либо человѣческое можетъ быть мнѣ чуждо? Всѣ мы круговая порука.....

VII, VIII, IX, X, XI.

Какъ въ мірѣ науки, такъ и въ мірѣ чувства минуты любви, вдохновенія, слово науки, даже просто доброе дѣло, не покидаютъ насъ и среди самой горькой душевной тревоги,—но свѣтлой полосой ложатся между нашихъ мрачныхъ мечтаній. Благословимъ эти минуты..... онѣ не только были, онѣ намъ присущи; онѣ живутъ въ самомъ нашемъ отрицаніи.

XII.

Кто имѣетъ право сказать: „въ послѣдній разъ" и подобно звѣрку опуститься въ глубь и заснуть? Да и во снѣ будутъ мерещиться „и солнышко, и травка, и голубыя ласковыя воды"— и на яву мы невольно будемъ искать ихъ. Есть въ духѣ человѣка потребность и думать и чувствовать, какъ въ пчелѣ-работницѣ потребность строить ячейку. Для чего, для кого пчела строитъ ее? для чего она наполняетъ ее медомъ, собираемымъ съ опасностью для жизни? можетъ быть не она воспользуется этой ячейкой, этимъ медомъ, — воспользуются другія, ей неизвѣстныя существа, воспользуется царица и ея новое племя..... Но какъ замѣтилъ, кажется, Кювье, пчела носитъ въ себѣ образъ ячейки, геометрическій призракъ;—осуществить этотъ образъ, этотъ приз-

ракъ, есть непреодолимое призванiе пчелы; въ исполненiе этого призванiя должно быть вложено особаго рода наслажденiе, — и безъ него жизнь пчелы осталась бы неудовлетворенною.....

XIII.

Судьба!—что это за дама? откуда она вышла? гдѣ живетъ она? любопытно было бы о томъ провѣдать. По свѣту бродить лишь ея имя, въ родѣ того исполинскаго морскаго змѣя, о которомъ ежегодно писали въ газетахъ, но который еще не потопилъ ни одного корабля и надняхъ обратился въ смиреннаго моллюска. Никто еще не подвергался такой напраслинѣ, какъ судьба—невидимка. Всѣ мы больны одною болѣзнью: неприложенiемъ рукъ, но мы какъ то стыдимся этой болѣзни и находимъ удобнѣе сваливать продукты нашей лѣни на судьбу, благо она безотвѣтна. — Съ „самозабвенiемъ и самопрезрѣнiемъ" далеко не уйдешь: нужна во всѣхъ случаяхъ жизни извѣстная доля самоувѣренности: въ битвѣ ли съ жизнью, въ битвѣ ли съ собственною мыслью. Надобно умѣть прямо смотрѣть въ глаза другу и недругу, и успѣху и неудачѣ. Но скажутъ: что за радость жить цѣлый вѣкъ на сторожѣ! пожалуй уподобишься тому чудаку, описанному у Гофмана, который и въ ясную погоду ходилъ съ зонтикомъ, а на зонтикѣ былъ придѣланъ громовой отводъ,—потому что, разсуждалъ чудакъ, были случаи громовыхъ ударовъ и при безоблачномъ небѣ.— Пограничная линiя между разумнымъ и смѣшнымъ весьма тонка и неопредѣленна, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ея не было, и чтобы человѣкъ былъ не въ силахъ стать по ту или по сю сторону этой линiи. Все зависитъ отъ умѣнья обращаться съ жизнью, отъ смысла, который мы придаемъ ея явленiямъ.......

XIV, XV.

Слова! слова! но подъ словами мысль, а всякая мысль есть сила, дѣйствуетъ ли она на другую мысль, приводитъ ли въ движенiе матерiальныя силы. Неужель наука и искусство напрасно проходятъ по мiру?

Вообразимъ себѣ, что въ одну несчастную минуту собрались бы высшiе и низшiе дѣятели нашего времени и, убѣдившись въ тще-

тѣ жизни человѣческой, т. е. въ тщетѣ науки и искусства, общимъ согласіемъ положили: прекратить всякую ученую и художественную дѣятельность..... чѣмъ бы эта попытка кончилась? во первыхъ стало бы на семъ свѣтѣ немножко скучнѣе, а во-вторыхъ—такой попыткѣ никогда не удаться. И наука, и искусство появились бы вновь, но въ какомъ либо искаженномъ видѣ, ибо нельзя убить стихію человѣческаго организма, столь же важную, какъ и всѣ другія стихіи, не истребивъ самого организма...; человѣку каменнаго вѣка простительно было бы горевать о тщетѣ человѣческой жизни; но мы, прослѣдившіе работу человѣка отъ каменной эпохи до нашей, мы, сознающіе святую связь между наукой, искусствомъ и жизнью,.... имѣемъ ли право предаваться унынію и взывать къ бездѣйствію.

Красота — есть ли дѣло условное? мнѣ кажется этотъ вопросъ и существовать не можетъ. Вопросъ не въ красотѣ того или другаго произведенія, а въ чувствѣ красоты, а это чувство, эта потребность суть стихіи, общія всѣмъ людямъ. Что нужды, что китаецъ любуется картиной безъ перспективы, или послѣдованіемъ звуковъ, для насъ непонятнымъ,—дѣло въ томъ, что онъ любуется, что онъ находитъ удовлетвореніе своей потребности изящнаго...

XVI.

Еще разъ—не погибаетъ ничто, ни въ дѣлѣ науки, ни въ дѣлѣ искусства; проходятъ, сокрушаются временемъ ихъ вещественныя проявленія, но духъ ихъ живетъ и множится. Правда, не безъ борьбы достается ему эта жизнь, но самая эта борьба, записанная исторіею, есть для насъ назиданіе и ободреніе на дальнѣйшее подвиженье (прогрессъ).... Наука.... спокойнымъ, ровнымъ, но непрестаннымъ шагомъ идетъ по землѣ, разсыпая свои милости направо и налѣво. Зиждительница градовъ и вѣсей, она поднимается и въ чертоги, не обходитъ ни утлой хижины, ни кельи ученаго труженика, ни судейской камеры. Всюду она охраняетъ, живитъ, укрѣпляетъ. И таково свойство ея благодѣяній, что они не быстро проходятъ, какъ многое въ подлунномъ мірѣ; каждый шагъ науки есть новый дѣятельный центръ, новое солнце, отъ котораго и свѣтъ, и тепло, и радуга...... Исчисленіе все болѣе и болѣе разростающихся успѣховъ науки обыкновенно прерывается

вопросомъ..., такъ сказать, домашнимъ: стали ли мы отъ того счастливѣе? на этотъ стародавній вопросъ осмѣлюсь отвѣчать рѣшительнымъ „да!“ съ условіемъ: слову счастье не придавать фантастическаго смысла, а видѣть въ немъ, что есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе страданій. Развѣ не возвысилась средняя жизнь въ Европѣ, т. е. не большее ли число лѣтъ мы можемъ и прожить сами, и видѣть живыми дорогихъ нашему сердцу? развѣ не счастьемъ считать возможность въ нѣсколько минутъ перемолвиться съ друзьями, съ родными, отдаленными отъ насъ огромнымъ пространствомъ? сколько семейныхъ тревогъ, сколько душевныхъ терзаній успокоилось мгновеннымъ словомъ электричества? роскошь быстраго движенія, подъ защитой отъ бурь и непогоды, удобство изустнаго сближенія между людьми, возможность безъ большихъ издержекъ присутствовать при великихъ изслѣдованіяхъ, выводахъ, торжествахъ науки, наслаждаться далекими отъ насъ произведеніями искусства или природы—не сдѣлалось ли нынѣ доступнѣе большему числу людей? Но гдѣ же, въ нѣсколькихъ строкахъ исчислить все добро, разлитое наукою почти во всѣхъ предѣлахъ земнаго шара! Дѣло въ томъ, что съ каждымъ открытіемъ науки однимъ изъ страданій человѣческихъ дѣлается меньше—это кажется не подвержено сомнѣнію.—Я слышу возраженіе: а война, говорятъ мнѣ, а способы истребленія людей, добытые у науки же, развѣ не увеличили массу страданій другаго рода, но все таки страданій?.... возраженіе сильно,—но однако можно ли обвинять науку? можно ли обвинять огонь за то, что онъ хотя и грѣетъ и освѣщаетъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и производитъ пожары? Можно ли обвинять и солнце и оптика, если полоумный наведетъ зажигательное стекло на стогъ сѣна, и стогъ загорится? Кто виноватъ, если данныя, выработанныя наукой до сихъ поръ лишь въ весьма малой степени входятъ въ государственное, общественное и семейное дѣло?.... наши общественныя науки не только далеко отстали отъ естественныхъ, но, сказать по правдѣ, находятся еще въ младенческомъ состояніи.... Въ наукѣ ли причина войны? наука ли подготовляетъ ее? нѣтъ! наука говоритъ другое: она нещадно колеблетъ пьедесталъ военныхъ подвиговъ; она доказываетъ цифрами, что всѣ многосложныя причины переселеній, войнъ, набѣговъ, грабежей, вообще насиль-

ственнаго движенія народовъ, какъ равно и внутреннихъ переворотовъ, сводятся къ одной основной и весьма прозаической причинѣ: къ истощенію почвы, къ потребности себя пропитать.... Будетъ время, когда силы ума и тѣла не будутъ тратиться на взаимно—истребленіе, а на взаимно— сохраненіе: данныя, выработанныя наукою проникнуть во всѣ слои общества, — и вопросъ о продовольствіи дѣйствительны уподобится вопросу о пользованіи водою и воздухомъ....

XVII.

Но оставимъ космополитическую сферу и приложимъ нашу мысль къ тому, что намъ ближе, къ дорогой намъ всѣмъ Россіи. Скажемъ ли мы ей слово: „Довольно!" Съ 19 февраля 1861 г. всѣ силы Россіи подвинулись. Наука развивается медленно, но все шире и шире. Поселянинъ начинаетъ понимать свое невѣдѣніе и необходимость изъ него выйти. Земство, какъ бы ни были трудны первые шаги его, начинаетъ проявлять свою самобытность и прилагать здравый смыслъ русскаго человѣка къ многоразличнымъ условіямъ общественнаго быта, осложненнаго вѣковыми недоразумѣніями. Наконецъ, гласнымъ независимымъ судомъ образуется опора не только для внутренняго и внѣшняго довѣрія, но и училище нравственности, всѣмъ доступное.... Все великое дѣло (19 февраля 1861 г.) сгибнетъ, если не найдетъ достойныхъ дѣлателей, и нужно ихъ не одинъ и не два. Есть ли возможность предаться бездѣйствію и сказать: „Довольно!"

Не бѣда, что мы старѣемся, и въ послѣднія минуты мы не скажемъ Россіи, какъ гладіаторы римскому кесарю: „умирая, мы съ тобою раскланиваемся": но припомнимъ.... Go a head, never mind, help yourself! — что по русски переводится: брось прохладушки, недѣланнаго дѣла много!" [1])

Въ 1865 г. въ московскомъ дворянскомъ собраніи обнаружилось стремленіе мѣстнаго дворянства наверстать утраченное помѣщичье право пріобрѣтеніемъ какого-то политическаго протектората надъ другими сословіями. Это стремленіе, сейчасъ же подхваченное и раздутою по своему газетою „Вѣсть", возбудило

[1]) „Недовольно" изложено въ сокращеніи.

противъ себя ожесточенную оппозицію со стороны кн. Одоевскаго. Кн. Одоевскій немедленно по прочтеніи статьи, помѣщенной въ „Вѣсти“, написалъ противъ нея сильное возраженіе, которое за многими подписями должно было появиться въ газетахъ, но не появилось, по случаю прекращенія „Вѣсти“. Одоевскій счелъ неприличнымъ настаивать на печатаніи своей статьи, слѣдуя пословицѣ „лежачаго не бьютъ“, и за свою деликатность былъ наказанъ тѣмъ, что крѣпостники бѣлокаменной столицы распространили на его счетъ много сплетенъ, выдали его чуть не за доносчика, который хотѣлъ подслужиться правительству и затормозить общественное развитіе[1]).

Вотъ дословное содержаніе протеста кн. Одоевскаго: „Въ № 4 (14 января) журнала „Вѣсть“ помѣщена статья содержащая въ себѣ будто бы предположеніе большинства московскаго дворянскаго собранія о разныхъ предметахъ, относящихся не до пользъ и нуждъ онаго московскаго дворянства, но до всего дворянства и даже до всего нашего государственнаго устройства. Имѣя честь принадлежать къ русскому дворянству, мы, нижеподписавшіеся, опасаемся, чтобы молчаніе съ нашей стороны не было сочтено знакомъ согласія на такое предположеніе, которое по его содержанію, а еще болѣе по рѣчамъ, высказаннымъ для истолкованія его смысла, мы находимъ и несвоевременнымъ, и несообразнымъ какъ съ настоящими потребностями Россіи, такъ равно съ ея исторіей, съ ея политическимъ и народнымъ бытомъ и съ ея мѣстными и естественными условіями. Посему считаемъ долгомъ заявить, что по нашему глубокому убѣжденію, дѣло дворянства въ настоящую минуту состоитъ въ слѣдующемъ: 1) приложить всѣ силы ума и воли къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостнаго состоянія, нынѣ съ Божіею помощью уничтоженнаго, но бывшаго постояннымъ источникомъ бѣдствій для Россіи и позоромъ для всего ея дворянства. 2) Принять добросовѣстное и ревностное участіе въ дѣятельности новыхъ земскихъ учрежденій и новаго судопроизводства, и въ сей дѣятельности исчерпать ту опытность и знаніе дѣлъ земскихъ и судебныхъ, безъ которыхъ всякое, какое бы ни было учрежденіе осталось безплоднымъ за недостаткомъ способныхъ исполнителей. 3) Не поставлять себѣ

[1]) Пятковскій, Біогр. кн. Одоевскаго, въ Истор. Вѣст. 1880. IV. 698.

цѣлью себялюбивое охраненіе однихъ своихъ сословныхъ интересовъ исключительно, не искать розни съ другими сословіями предъ судомъ и закономъ, но дружно и совокупно со всѣми вѣрноподданными трудиться для славы государя и пользы всего отечества. 4) Пользуясь высшимъ образованіемъ и большимъ достаткомъ, употреблять имѣющіяся средства для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа, съ цѣлью усвоить ему успѣхи наукъ и искусствъ, насколько то возможно для дворянства. Наконецъ, вообще, содѣйствовать искренно и честно, съ довѣріемъ и любовью, тѣмъ благодатнымъ преобразованіямъ, которыя нынѣ уже предначертаны мудрымъ нашимъ государемъ, не нарушая ихъ естественнаго хода и постепеннаго развитія безвременнымъ и безправнымъ вмѣшательствомъ" [1]).

Въ 1866 г. Одоевскій, не упускавшій изъ виду ни одного серьезнаго государственнаго вопроса, весьма живо отнесся къ зарождавшейся тогда въ Москвѣ тюремной реформѣ. Бывшій рабочій домъ преобразовывался подъ руководствомъ графа Саллогуба въ исправительную тюрьму, въ которой примѣнялось уже начало исправленія арестантовъ посредствомъ правильно организованнаго труда. „Грустно подумать, писалъ по этому поводу Саллогубу, кн. Одоевскій, что у насъ еще надобно доказывать необходимость труда, уничтоженіе наръ, раздѣленіе половъ и пр. т. п. Злоупотребленія, дурной выборъ людей, это особая статья вездѣ возможная, но что меня бѣситъ, наша страстная лѣнь, которая мѣшаетъ думать о вещахъ, которыя сами на думанье напрашиваются. Если бы Фурье пожилъ у насъ, то не написалъ бы своей системы гармонизаціи страстей, зане въ страсти лѣни, въ страсти ничего—недѣланія, онъ бы нашелъ такой элементъ, который уничтожаетъ всѣ другія"....[2])

Съ 1862 г. Одоевскій дѣлилъ свое время между занятіями въ сенатѣ, гдѣ онъ былъ первопредсѣдательствующимъ и кабинетными занятіями древне-русской музыкой. Въ Москвѣ онъ сошелся съ любителями и знатоками древне-русскаго искусства, Буслаевымъ, Филимоновымъ, Потуловымъ, свящ. Разумовскимъ, Безсоновымъ. Одоевскому по древнимъ нотнымъ рукописямъ, если

---

[1]) Тамъ же, стр. 698.

[2]) Пятковскій, „Истор. Вѣст." 1880. IV. 700.

не ошибаемся, при содѣйствіи Потулова и Разумовскаго, удалось открыть ключъ къ пониманію старинныхъ крюковыхъ нотъ и такимъ образомъ возстановить древніе церковные напѣвы. Одоевскій написалъ нѣсколько небольшихъ брошюръ о древней русской музыкѣ и собралъ значительное число старинныхъ нотныхъ рукописей, поступившихъ послѣ его смерти частью въ московскую музыкальную консерваторію, частью въ Румянцевскій музей [1]).

Въ 1867 г., по случаю 50-ти лѣтняго юбилея барона Корфа, Одоевскій написалъ въ честь юбиляра небольшую книжку, гдѣ указывалъ на заслугу Корфа въ дѣлѣ введенія въ Россіи стенографіи. Книжка носитъ заглавіе: „Воспоминаніе помощника директора В. Ѳ. Одоевскаго“. Въ книжкѣ всего 9 стран. Воспоминаніе издано въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ отданъ юбиляру, а другой положенъ въ Публич. Библ. на храненіе. Изъ „Воспоминанія“ видно, что Одоевскій зналъ стенографію.

Незадолго до смерти Одоевскій посѣщалъ публичныя лекціи проф. Любимова по физикѣ. Въ 1868 г. онъ написалъ по поводу этихъ лекцій небольшую статью и издалъ ее въ видѣ отдѣльной брошюры. Лекціи Любимова названы здѣсь дѣломъ добрымъ и умнымъ [2]). Онъ высказываетъ сожалѣніе, что нельзя было сдѣлать лекціи безплатными и предлагаетъ устроить складчину для открытія безплатныхъ публичныхъ лекцій, при чемъ говоритъ, что 100 чел. съ членскимъ взносомъ по 10 руб. или 200 челов. со взносомъ по 5 руб. съ человѣка могли бы вполнѣ обезпечить лекціи съ матеріальной стороны. По словамъ Одоевскаго, въ Россіи все есть, и непочатыя естественныя богатства, и разнообразіе климатовъ, и народъ оказывается понятливымъ и воспріимчивымъ къ знанію. Недостаетъ знанія, науки, книжнаго ученія. При развитіи знанія, ученые люди появятся во всѣхъ концахъ русской земли, возникнутъ общедоступные библіотеки, физическіе кабинеты, химическія лабораторіи. На фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ машинистами будутъ преимущественно русскіе люди. Простой мужикъ будетъ управлять локомобилемъ и

[1]) Вѣстникъ Общ. древне-русск. искусства 1874. IV—V. 36—39; Безсоновъ, Калики перехожіе. V, стр. 8.

[2]) „Публичныя лекціи проф. Любимова“, К. В. Ѳ. О. Москва. 1868, стр. 22.

приспособлять его къ мѣстному дѣлу. Расширятся всѣ земскія силы. Земледѣлецъ зашибетъ лишній рубль. Государственные доходы увеличатся, и образуются, возникнутъ, новыя средства въ подмогу науки.

Это было послѣднее слово Одоевскаго за просвѣщеніе, послѣднее его воззваніе о дѣятельной любви къ ближнему.

Князь В. Ѳ. Одоевскій скончался 27 февраля 1869 года послѣ непродолжительной болѣзни, „Кн. Одоевскій, скажемъ въ заключеніе словами графа Саллогуба, оставилъ по себѣ прекрасную память, какъ человѣкъ, какъ общественный дѣятель, какъ писатель, какъ ученый, какъ музыкантъ. Выше всего стоялъ онъ какъ человѣкъ, и прочія заслуги были только послѣдствіемъ его исключительно благородной, любящей, кроткой и неутомимо-дѣятельной натуры“.
